

P. G. Wodehouse

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ ВУДХАУС

РАДОСТЬ ПОУТРУ

БРАЧНЫЙ СЕЗОН

НЕ ПОЗВАТЬ ЛИ НАМ ДЖИВСА?

NEO-Классика

Пелам Гренвилл Вудхаус

Радость поутру. Брачный сезон. Не позвать ли нам Дживса? (сборник)

«Издательство АСТ»
1946, 1949, 1953

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Вудхаус П.

Радость поутру. Брачный сезон. Не позвать ли нам Дживса? (сборник) / П. Вудхаус — «Издательство АСТ», 1946, 1949, 1953 — (NEO-Классика)

ISBN 978-5-17-107332-9

Самый известный, самый популярный, самый любимый читателями всего мира вот уже много десятилетий британский юмористический цикл. Цикл, каждое из произведений которого, будь оно романом, повестью или рассказом, — настоящий эталон неподражаемого английского юмора. Снова и снова непутевый, но обаятельный шалопай-аристократ Берти Вустер попадает в немыслимые передряги, а хитроумный камердинер-эрудит Дживс помогает ему выпутаться из, казалось бы, совершенно безвыходных положений. Ну а мы снова и снова перечитываем истории их приключений и каждый раз смеемся, будто читаем их впервые!..

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-107332-9

© Вудхаус П., 1946, 1949, 1953
© Издательство АСТ, 1946, 1949, 1953

Содержание

Радость поутру 7
Глава 1 7
Глава 2 13
Глава 3 16
Глава 4 21
Глава 5 26
Глава 6 29
Глава 7 34
Глава 8 39
Глава 9 44
Глава 10 47
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Пелам Гренвилл Вудхаус
Радость поутру. Брачный сезон. Не позвать ли нам Дживса?: Сборник

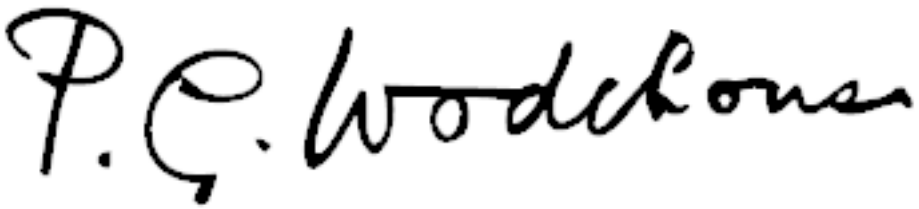
Этот неподражаемый Дживс (1923)
Вперед, Дживс! (1925)
Посоветуйтесь с Дживсом (1930)

Дживс, вы – гений! (1934)
Ваша взяла, Дживс! (1934)
Фамильная честь Вустеров (1938)

Радость поутру (1946)
Брачный сезон (1949)
Не позвать ли нам Дживса? (1953)

Дживс и феодальная верность (1954)
Дживс готовит омлет (1959)
На помощь, Дживс! (1960)
Держим удар, Дживс! (1963)

Дживс и скользкий тип (1965)
Тысяча благодарностей, Дживс (1971)
Тетки – не джентльмены (1974)



Серия «NEO-Классика»
Pelham Grenville Wodehouse

JOU IN THE MORNING
THE MATING SEASON
RING FOR JEEVES

Перевод с английского*И. М. Бернштейн*

Печатается с разрешения The Trustees of the P.G. Wodehouse Estate и литературных агентств Rogers, Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg.

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1946, 1949, 1953 © Перевод. И. М. Бернштейн, наследники, 2017 © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Радость поутру

Глава 1

Когда описанные треволнения отошли в прошлое, опасность перестала маячить на горизонте, всем направо и налево были пригоршнями розданы счастливые концы и мы ехали домой, лихо сдвинув шляпы набекрень и отряхнув прах Стипл-Бампли с наших шин, я признался Дживсу, что в ходе этой истории Бертрам Вустер, вообще-то не слабодушного десятка, временами был очень близок к отчаянию.

– Ну просто, можно сказать, на грани, Дживс.

– Обстоятельства, бесспорно, принимали угрожающий оборот, сэр.

– Ни луча надежды. Впечатление было такое, будто Синяя Птица подняла лапки кверху и закрыла лавочку. А теперь вот мы едем-веселимся, и солнышко сияет. Тут, пожалуй, задумаешься.

– Да, сэр.

– Есть такое выражение, на языке вертится, как раз подходит к данному случаю. Вернее, не выражение, а поговорка. Афоризм такой. Вроде шутки. Что называется, присловье. Словом, изречение. Что-то такое насчет радости.

– Вечером водворяется плач, а наутро радость[1], сэр?

– Вот-вот, самое оно! Не вы придумали?

– Нет, сэр.

– Здорово сказано, – похвалил я его.

Я и теперь считаю, что невозможно в двух словах лучше передать суть того убийственного происшествия, в котором принимали участие Нобби Хопвуд, Чеддер по прозвищу Сыр, Флоренс Крэй, мой дядя Перси, Дж. Чичестер Устрица, бойскаут Эдвин и старина Боко Фитлуорт, – или, как впоследствии, наверное, назовут эту историю мои биографы, «Ужас в Стипл-Бампли».

Этот географический пункт у меня еще до описываемых событий занимал первую строчку в списке мест, которые следует как можно дальше обходить стороной. Вам не приходилось замечать: на старинных картах, бывает, какое-то место помечено крестиком и подпись: «Здесь драконы» или «Смотри в оба, тут гиппогрифы»? Что-нибудь в этом же роде, по-моему, надо из человеколюбия написать возле Стипл-Бампли для предостережения пешеходам и транспорту.

Поселение это живописное, не спорю. Равного ему по красотам не найдешь во всем Гемпшире. Оно расположено, как говорится, под сенью дерев среди улыбчивых нив и лиственных лесных массивов, вблизи речки, текущей под ивами и ветлами, и куда ни бросишь кирпич – попадешь в деревенский домик с белым садиком или в голову румяного деревенского жителя. Но вы же знаете, все эти виды, ласкающие взор, бесполезны там, где мерзок человек[2]. А беда деревни Стипл-Бампли состоит в том, что в ней находится усадьба «Бампли-Холл», а в усадьбе, в свою очередь, находится моя тетка Агата со своим вторым мужем.

Когда же я скажу, что ее вторым мужем является не кто иной, как Персиваль лорд Уорплесдон, а при нем – его дочь Флоренс и сын Эдвин, несноснейший из всех мальчишек, когда-либо щеголявших в шортах цвета хаки и занимавшихся следопытством, или что там делают эти

---

[1] Берти с помощью Дживса вспоминает библейский псалом, 29:6. – *Здесь и далее примеч. пер.*

[2] Ссылка на стихотворение «Миссионерский гимн» английского религиозного поэта епископа Реджинальда Хибера (1783–1826).

чертовы бойскауты, вы сразу поймете, почему я всегда отклонял приглашения моего бывшего однокашника Боко Фитлуорта погостить в его летнем домике, находящемся в той же местности.

Я и по отношению к Дживсу долгое время проявлял такую же твердость, когда он намекал, что неплохо бы нам снять там коттеджик на лето. Дело в том, что в тамошней речке, как всем известно, хоть пруд пруди рыбы, а Дживс принадлежит к числу тех, кто обожает взмахивать над головой крючком с наживкой. «Нет, Дживс, – вынужден был я ему отвечать. – Как ни больно мне лишать вас радостей простой жизни, но там ведь всегда есть риск столкнуться с этой разбойничьей шайкой. Нет уж, безопасность – прежде всего». На что он мне говорил: «Очень хорошо, сэр», и на том вопрос бывал исчерпан.

Но все это время, неведомо для меня, тень Стипл-Бампли подкрадывалась все ближе, и настал день, когда она сорвала накладную бороду – и набросилась!

Что странно, в то утро, когда со мной произошло это огромное несчастье, я был в самом что ни на есть радужном расположении духа. Ничто не говорило о том, что мне предстоит вляпаться в такую калошу. Я отлично выспался, удачно побрился, приятно принял душ и жизнерадостным возгласом приветствовал появление Дживса с кофе и копчушками.

– Черт подери, Дживс, – говорю, – я сегодня с утра в наилучшей форме. Упиваюсь своей молодостью и готов хоть сейчас взяться за работу, не страшась любой судьбы, как писал Теннисон.

– Лонгфелло[3], сэр.

– Или Лонгфелло, если вам угодно. Не будем мелочиться. Ну, что новенького?

– Заезжала мисс Хопвуд, когда вы еще спали, сэр.

– В самом деле? Жаль, я ее не повидал.

– Молодая леди хотела войти к вам в спальню и разбудить вас с помощью мокрой губки, но я ее отговорил. Я счел предпочтительным, чтобы ваш сон не был нарушен.

Я одобрял такую бдительность, в ней сказывались, с одной стороны, доброе сердце, с другой – старый феодальный дух. Но в то же время я с огорчением прицокнул языком, сожалея, что разминулся с юной пигалицей, с которой всегда поддерживал самые дружеские отношения. Эта Зенобия (Нобби) Хопвуд была, что называется, «под опекой» у старика Уорплесдона. Несколько лет назад один его приятель, перед тем как отдать концы, оставил свою дочь на его попечение. Как это делается, точно не знаю – наверняка были сочинены соответствующие документы, поставлены подписи над пунктирной линией, – но в результате, когда дым рассеялся, Нобби оказалась подопечной моего дяди Перси.

– Юная Нобби, вы сказали? Давно ли она в нашей столице? – спросил я, поскольку, попав под опеку дяди Перси, она, естественно, влилась в ряды тех, кто обитал в логове Стипл-Бампли, и теперь лишь изредка показывалась в Лондоне.

– Со вчерашнего вечера, сэр.

– И надолго?

– Только до завтра, сэр.

– Стоило ли так далеко тащиться ради одного дня?

– Как я понял, она приехала по настоянию ее сиятельства, для ее сопровождения, сэр.

Я вздрогнул:

– То есть вы хотите сказать, что тетя Агата в Лондоне?

– Всего лишь проездом, сэр, – успокоил мои опасения верный слуга. – Ее сиятельство направляется ухаживать за мастером Томасом, который подхватил в школе свинку.

Дживс говорил о теткином сыне от первого брака, худшем из наших сограждан. Многие осведомленные люди ставят его в списке величайших злодеев Англии еще выше ее пасынка

[3] Из стихотворения Г. Лонгфелло «Псалом жизни» (1839).

Эдвина. Я с удовлетворением услышал о его заболевании, и у меня даже мелькнула шальная надежда, что он сумеет заразить свинкой свою мать.

– А что говорила юная Нобби, Дживс?

– Она выражала сожаление, что так редко теперь видит вас, сэр.

– Взаимно, Дживс, я тоже сожалею. Таких славных малых, как эта Хопвуд, не много найдется на свете.

– Она выразила надежду, что вы найдете возможность в ближайшем будущем посетить Стипл-Бампли.

Я отрицательно покачал головой:

– Исключено, Дживс.

– Молодая леди сообщила мне, что сейчас у них превосходно клюет рыба.

– Нет, Дживс. Мне очень жаль, но даже если она набрасывается на пустой крючок, все равно к Стипл-Бампли я близко не подойду.

– Очень хорошо, сэр.

Голос у него был мрачный, и я попытался разрядить атмосферу, для чего попросил еще чашку кофе.

– Она одна заходила? – спросил я, имея в виду Нобби.

– Нет, сэр. С нею был джентльмен, который разговаривал так, как будто вы с ним знакомы. Мисс Хопвуд называла его Сыр.

– Могучий такой?

– С заметно развитой мускулатурой, сэр.

– А голова похожа на тыкву?

– Да, сэр, некоторое сходство с этим овощем просматривается.

– Тогда это друг моих юных дней по имени д'Арси Чеддер. Для смеха мы именовали его в своем кругу Сыром. Не виделся с ним тысячу лет. Он проживает где-то в сельской местности, а чтобы общаться с Бертрамом Вустером, требуется как минимум вращаться в столичных сферах. Удивительно, что он, оказывается, знаком с Нобби.

– Как я понял из слов молодой леди, сэр, мистер Чеддер тоже проживает в Стипл-Бампли.

– Да? Ну и тесен же мир, Дживс.

– Да, сэр.

– Прямо не припомню, чтобы я когда-нибудь видел теснее, – сказал я и уже приготовился развить эту тему, но тут призывно затренькал телефон, и Дживс как штык полетел в переднюю. Сквозь неплотно прикрытую дверь я разобрал многократно повторенные: «Да, ваше сиятельство» и «Очень хорошо, ваше сиятельство» – верный признак того, что у него на крючке какой-то представитель старинной аристократии.

– Кто это был? – спросил я, когда он просочился обратно.

– Лорд Уорплесдон, сэр.

Сейчас, оглядываясь назад, я просто диву даюсь, что так спокойно отозвался на это сообщение, всего лишь произнеся: «Да?» И только. А ведь должен был бы почувствовать, как в мою жизнь, подобно ползучему туману или миазму, все настойчивее вторгается, если можно так выразиться, зловещий мотив Стипл-Бампли; почувствовать, содрогнуться и спросить себя: что бы это значило? Но факт таков. Я нисколько не затрепетал и отреагировал вполне равнодушно.

– Звонок предназначался мне, сэр. Его сиятельство желает, чтобы я немедленно посетил его в его конторе.

– Он хочет видеть именно вас?

– Да, у меня сложилось такое впечатление, сэр.

– А зачем, он не сказал?

– Нет, сэр. Заметил только, что дело не терпит отлагательства.

Я задумался, жуя рыбку. По-видимому, тут могло быть лишь одно объяснение.

– Знаете, что я думаю, Дживс? Не иначе как он попал в какую-то переделку и нуждается в вашем совете.

– Возможно, что так, сэр.

– Держу пари, что так. Он, конечно, наслышан о ваших выдающихся способностях. Не могло же так быть, чтобы вы оставались в тени вечно. Оказывая всем нуждающимся направо и налево щедрую помощь и поддержку, вы неизбежно должны были приобрести некоторую славу, хотя бы в семейном кругу. Хватайте шляпу и гоните лошадей. Буду с нетерпением ждать вашего отчета. Какая сегодня погода?

– Погода весьма хорошая, сэр.

– Солнышко сияет и все такое?

– Да, сэр.

– Так я и думал. Потому-то я сегодня и полон бодрости. Пожалуй, выйду прогуляться. Скажите мне, – попросил я, угрызаясь, что вынужден был проявить непреклонность в деле со Стипл-Бампли, и желая вернуть в его жизнь ту светлую радость, в которой ему отказал, лишив его общества местных рыб, – нет ли чего-нибудь такого, что я мог бы для вас сделать в городе?

– Как вы сказали, сэр?

– Может быть, какой-нибудь небольшой подарок?

– Вы чрезвычайно добры, сэр.

– Пустяки, Дживс. Просите что хотите. Не стесняйтесь.

– Недавно вышло новое научно комментированное издание трудов философа Спинозы, сэр, и, коль скоро вы так щедры, я был бы рад получить его.

– Вы его получите. Оно будет без промедления доставлено к вашему порогу. Фамилию автора не перепутали? Спиноза – это точно?

– Точно, сэр.

– Странная какая-то фамилия. Но вам, конечно, виднее. Спиноза, значит? Отмечен Книжным клубом как лучшая книга месяца?

– Насколько я знаю, нет, сэр.

– Первый раз слышу про писателя, который не отмечен Книжным клубом. Ладно. Займусь этим незамедлительно.

И, собрав воедино шляпу, перчатки и аккуратно свернутый зонт, я вышел из дома.

По пути к магазину книжной продукции мысли мои, как вы сами понимаете, снова обратились к таинственному звонку старика Уорплесдона. Меня разбирало любопытство. Никак не мог представить себе, что за неприятность могла случиться у такой солидной личности, как он.

Когда полтора года назад до меня из хорошо осведомленных источников дошло известие, что тетя Агата, вдовевшая на протяжении долгого времени, вздумала вторично рискнуть на законный брак, моей первой эмоцией, естественно, была жалость к самоуверенному бедняге, который рискует пойти с ней к алтарю, – ведь это, как вы, конечно, знаете, моя злая тетка, та, что ест бутылочное стекло и в полнолуние приносит человеческие жертвы.

Но затем стали поступать свежие подробности, и оказалось, что сей горький жребий достался не кому-нибудь, а лорду Уорплесдону, пароходному магнату, и тут мое сострадание сильно пошло на убыль. Я понял, что положение складывается неоднозначное. Даже если в конце концов он у нее и научится прыгать через обруч, победа достанется тете Агате отнюдь не без боя.

Ибо он и сам был малый не промах, этот лорд Уорплесдон. Я знал его, можно сказать, всю свою сознательную жизнь. Это он в пятнадцать лет – то есть это мне было пятнадцать лет, понятное дело, – застав меня на конюшенном дворе курящим его самые дорогие сигары, гнал меня с хлыстом в руке целую милю по пересеченной местности. И хотя с годами отношения наши, естественно, стали более сдержанными, стоило мне вспомнить о нем, и у меня

обязательно бежали мурашки по коже. Окажись я перед выбором между ним и гиппогрифом в качестве спутника в пешем походе, я бы, ни минуты не колеблясь, избрал гиппогрифа.

Трудно было представить, чтобы такой железный человек вынужден был слать Дживсу сигналы бедствия, и я уже воображал компрометирующие письма в руках у алчной блондинки, когда достиг цели своего путешествия и принялся выполнять взятое на себя обязательство.

– Доброе утро, – проговорил я. – Мне нужна книга.

Надо бы мне, конечно, сообразить, как это глупо – говорить, что тебе нужна книга, если явился в книжный магазин. Этим только озадачишь и напугаешь местное население. И действительно, занюханный старикашка, который вышел из угла, чтобы обслужить меня, прямо вздрогнул.

– Книга, сэр? – переспросил он с плохо скрываемым удивлением.

– Спиноза, – уточнил я.

Он отшатнулся:

– Вы сказали, Спиноза, сэр?

– Вот именно. Спиноза.

По-видимому, он решил, что, если мы потолкуем с ним об этом как мужчина с мужчиной, можно будет в конце концов прийти к обоюдоприемлемому варианту.

– Вы не имели в виду «Спинки и свинки», сэр?

– Нет.

– А не может это быть «Отравленная булавка»?

– Нет, не может.

– Или «С ружьем и фотоаппаратом по дикому Борнео»? – набавил он слов.

– Спиноза, – твердо сказал я, держась своей линии.

Он горько вздохнул, понимая, что ситуация вышла из-под его контроля.

– Пойду взгляну, есть ли у нас экземпляры, сэр. А вы пока посмотрите, может быть, все-таки вы имели в виду вот это? Говорят, очень возвышенное сочинение.

И потопал, озадаченно твердя себе под нос: «Спиноза, Спиноза», а меня оставив с какой-то книженцией в руке.

Я взглянул: сразу видно, гадость. Называется – «Сплин и роза». На обложке какая-то дамочка с зеленым лицом, нюхающая фиолетовую лилию. Я уже собрался отшвырнуть ее и пойти на розыски упомянутой «Отравленной булавки», как вдруг слышу, кто-то у меня за спиной произносит: «Бог мой! Берти!» Оборачиваюсь и вижу, что этот звериный вопль испустила высокая молодая особа властной наружности, незаметно подкравшаяся ко мне сзади.

– Господи ты боже мой! Берти! Ты ли это?

Я всхрапнул и попятился, как испуганный мустанг. Передо мной была дочь старика Уорплесдона Флоренс Крэй.

А почему я так всхрапнул и попятился при виде ее, сейчас объясню. Я решительно не признаю таких историй, где люди топчутся туда-сюда, хватаются за голову и что-то сильно переживают, а в чем дело, не поймешь, и так до самой последней главы, когда объяснение дает следователь.

Коротко говоря, появление этой барышни так подействовало на меня по той причине, что когда-то давно мы были с ней помолвлены, и даже не так уж и давно. И хотя все тогда кончилось благополучно, дело расстроилось и в последнюю минуту я все же был спасен от эшафота, но это было, можно сказать, совершенно чудесное спасение, и память до сих пор осталась свежа. Одно упоминание ее имени приводило меня в такую дрожь, что требовалось немедленно пропустить стаканчик или два. Словом, вы легко поймете, каково мне было вот так, нос к носу, столкнуться с нею во плоти.

Я покачнулся, как ива на ветру, тщетно ища подходящую реплику для начала разговора.

– А, привет, привет, – говорю. Не бог весть что, конечно, но больше ничего не приходило в голову.

Глава 2

Перебирая имена особ женского пола, на которых я в тот или иной момент жизни чуть было не женился, встречаешь порой таких, что страшно вспомнить. Например, упадет взгляд на Гонорию Глоссоп, и дрожь пробегает по всему организму от макушки до пят. И то же самое, если возьмем на букву Б, скажем, Мадлен Бассет. Но, принимая во внимание все обстоятельства, взвесив хорошенько и то и се, я всегда был склонен считать, что Флоренс Крэй превосходит остальных. Как ни много у нее бесспорно достойных соперниц, все же пальму первенства я бы отдал ей.

Конечно, Гонория Глоссоп была девушка спортивная, что верно, то верно. Ее смех был подобен звуку отбойного молотка, и с детских лет ее отличала привычка со всей силой шлепать вас по спине. Конечно, Мадлен Бассет была слюнтяйка, не приходится спорить. Она постоянно слезилась и поводила очами и считала, что звезды – это веночки божьих маргариточек. Бесспорно, серьезные пороки; но надо отдать справедливость названному отталкивающему дуэту: ни та ни другая не делали попыток меня формировать, а именно этим с первых же шагов занялась Флоренс Крэй, по-видимому рассматривая Бертрама Вустера всего лишь как кусок пластилина в руке скульптора.

Корень зла заключался в том, что она была из так называемых интеллектуалок, а они с головой погружены в возвышенные заботы и, как только где углядят мужскую душу, сразу же бегут и принимаются подталкивать. Мы едва успели утрясти вопрос, как она тут же занялась моим чтением, изгнала «Кровь на перилах», которую я в тот период штудировал, и подсунула на ее место нечто под названием «Типы этической теории». И даже не думала скрывать, что это всего лишь затравка и что дальше будет еще хуже.

Вы никогда не заглядывали в «Типы этической теории»? Книжица до сих пор стоит у меня на полке. Откроем ее наобум и посмотрим, что нам предлагают. Да вот, например:

«Из двух противоположных понятий греческой философии лишь одно реально и внутренне непротиворечиво; это Идеальная Мысль, противопоставленная тому, что она наполняет собой и формирует. Второе, чему в нашем представлении соответствует Природа, само по себе феноменально, нереально, лишено твердого основания, поскольку не имеет предикатов, которые были бы верны хотя бы два мгновения подряд, иначе говоря, избегает отрицания лишь благодаря включенным реальностям, в нем проявляющимся».

Вот именно. Вам уже, конечно, ясно, о чем речь и отчего при виде ее у меня слегка подкосились ноги. Старые раны закровоточили.

Но смятение, от которого скрючились, подобно побегам ранимой мимозы, пальцы на ногах Вустера в модных замшевых ботинках, нисколько не подействовало на этот материализованный кусок прошлого. Она заговорила со мной так же оживленно и по-теткински самоуверенно, как в былые времена. Даже в ту пору, когда я был околдован ее знаменитым профилем, а профиль, надо признать, был что надо и побуждал к произнесению слов, в которых потом раскаиваешься, мне все время казалось, что она проходит обучение на тетку.

– Ну-с, как же ты поживаешь, Берти?

– Спасибо, прекрасно.

– Я на денек приехала в Лондон повидать моего издателя. И подумать только, встретила тебя, да не где-нибудь, а в книжном магазине. Что ты покупаешь? Дешевку какую-нибудь, конечно?

Ее взгляд, покоившийся на мне, притом с довольно критическим, укоризненным выражением, словно она недоумевала, как это ей могло когда-то прийти в голову соединить свою судьбу с таким недочеловеком, теперь обратился на книгу у меня в руке. Явно сожалея об

отсутствии пинцета, которым можно было бы ухватиться за этот предмет, она, брезгливо скривившись, взяла книгу из моих рук.

Взглянула и сразу же преобразилась. Рот перестал кривиться и сложился в довольную ухмылку. Взгляд смягчился. На щеках заиграл румянец. Она чуть ли не захихикала.

– О, Берти!

Что она хотела этим сказать, я не понял. Она часто восклицала «О, Берти!» во времена нашей помолвки, но обычно с таким неприятным призвуком в голосе, как будто бы собиралась выразиться похлеще, но вовремя спохватывалась, в последний момент вспомнив о своем славном древнем роде. На этот раз «О, Берти!» прозвучало совершенно иначе. Просто, я бы сказал, нежно. Как будто бы голубка адресуется к голубку.

– О, Берти! – повторила она. – Ну конечно, я непременно надпишу тебе ее.

И тут я вдруг все понял. Сначала-то я не заметил, так как разглядывал девицу с зеленым лицом, но теперь углядел внизу на обложке слова: «Роман Флоренс Крэй». Их почти совсем закрыла наклейка: «Избрана Книжным клубом как лучшая книга месяца». Все разом встало на свои места, и от мысли, что я чуть было не женился на романистке, в глазах у меня на миг потемнело.

Она твердой рукой что-то такое начертала в книге, убив всякую надежду на то, что магазин возьмет ее обратно, и выставив меня на семь шиллингов десять пенсов, как говорится, в самом начале рабочего дня. А потом опять проворковала с железом в голосе:

– Надо же! Кто бы подумал, что ты захочешь купить «Сплин и розу»!

Ситуация требовала от меня любезного ответа, и, возможно, в треволнениях минуты я слегка перестарался. По-видимому, мои слова, что я сразу заинтересовался ее треклятым произведением, она поняла в том смысле, что я только о том и мечтал, чтобы приобрести это сокровище. По крайней мере, она в ответ одарила меня сладкой улыбкой.

– Не могу тебе сказать, как это меня радует. И не просто потому, что книга – моя, но еще и как знак того, что мои старания развить твой ум не пропали даром. Ты научился любить хорошую литературу.

В эту минуту, словно по сценарию, возник тот занюханный и объявил, что сейчас старика Спинозы у них нет, но они его мне добудут. Он был этим заметно подавлен, зато Флоренс вся рассиялась, как будто кто-то включил рубильник.

– Берти! Это потрясающе! Ты в самом деле читаешь Спинозу?

Приходится удивляться тому, до чего соблазнителен для нас такой порок, как хвастовство. Из-за него гибнут лучшие люди. Казалось бы, чего проще – возразить, что она не так поняла, научно аннотированное издание – это подарок для Дживса. Но вместо того чтобы совершить простой, честный и мужественный поступок, я, как дурак, распушил хвост.

– Да, – говорю, интеллигентно вращая зонтом. – В свободные минуты я обычно устраиваюсь на диване с последней книжкой Спинозы.

– Ну и ну!

Простые слова как будто бы, но дрожь пробрала меня всего, от набриллиантиненной макушки до каучуковых подошв.

Потому что она не только издала этот возглас, но еще и особенным образом на меня взглянула. Точно так смотрела на меня раньше Мадлен Бассет, когда я явился в «Тотли-Тауэрс», чтобы выкрасть старинный серебряный молочник в виде коровы, а она решила, будто, питая к ней горячую любовь, я не в силах вынести разлуку. Этот убийственный нежный, умильный взгляд пронзил меня насквозь, как раскаленное шило пронзает брикет масла, и я ощутил мистический ужас.

Тут-то я пожалел, что вылез с этим Спинозой, а особенно – что был застигнут в ту минуту, когда можно было подумать, будто я покупаю этот ее чертов роман. Сам того не сознавая, я поднял себя в ее глазах на недосягаемую высоту, представил ей Бертрама Вустера в

совершенно ином качестве и обнаружил перед нею мои сокрытые глубины. Теперь она еще, глядишь, вздумает пересмотреть наши отношения в свете вновь обнаруженных фактов и придет к выводу, что допустила ошибку, разорвав помолвку с таким необыкновенным человеком. И если она заберет в голову что-нибудь в этом духе, страшно подумать, каков может оказаться исход.

Меня охватило горячее желание очутиться где-нибудь подальше отсюда, пока я не свалял еще большего дурака.

– Ну, я побежал, – говорю. – К сожалению, у меня важная встреча. Приятно было снова повидаться.

– Почему бы нам не видеться почаще? – отвечает она, глядя на меня со слезой во взоре. – Поговорили бы, потолковали по душам.

– Да, неплохо бы.

– Развивающийся ум – это так увлекательно. Приехал бы ты как-нибудь в «Бампли-Холл».

– Да вот, столичная жизнь, знаешь ли, она как-то затягивает.

– Я бы показала тебе рецензии на «Сплин и розу». Такие чудесные! Эдвин их вырезает и наклеивает в альбом.

– Посмотрю с удовольствием. Как-нибудь потом. Пока-пока.

– А книжку? Книжку забыл.

– А, спасибо. Ну ладно, всего, – сказал я и вырвался на волю.

Важная встреча, на которую я сослался, предстояла мне с барменом в «Боллинджере». По-моему, я никогда в жизни не испытывал такой острой потребности в укрепляющем снадобье. Я устремился к цели, как лань, которая желает к потокам воды[4], и вскоре уже совещался с подателем спасительных эликсиров.

А десять минут спустя, ощутимо взбодрившийся, хотя все еще потрясенный, я стоял на крыльце и задумчиво крутил зонт, прикидывая, куда бы податься дальше, как вдруг мое внимание привлекла странная сцена.

На той стороне происходило нечто удивительное.

[4] Псалтирь, 41:2: «Как лань желает к потокам воды».

Глава 3

Бар «Боллинджер» делает свое человеколюбивое дело на полпути вверх по Бонд-стрит, а на противоположной стороне этой оживленной улицы, прямо нос к носу с «Боллинджером», находится заведение любезного и модного ювелира, к которому я обычно заглядываю, когда возникает нужда вложить средства в какую-нибудь бижутерию. И даже как раз теперь, по случаю такой хорошей погоды, я подумывал, не пойти ли купить себе новый портсигар.

Но у входа в ювелирную лавку совершалось некое странное действо. Вдоль фасада прохаживался взад-вперед какой-то криминальный тип, напоминавший своими повадками кота из басни, которому, как говорит Дживс, а уж он-то знает, и хочется, и страх берет. То есть он вроде бы и хотел зайти, но что-то ему мешало осуществить свое намерение. Сделает решительный шаг к дверям и тут же отшатывается назад и стоит, бросая опасливые взгляды вправо и влево, словно боится, что его заметили. За океаном, в Нью-Йорке, во времена «сухого закона» мне случалось наблюдать, как люди выделывали такие же коленца у входа в бутлегерский кабак.

Тип был крупный собой, и в облике его мне показалось что-то знакомое. Я прищурился, пригляделся, и тут память мне подсказала: этот мясистый торс… голова в форме тыквы… лицо как из розового теста… это не кто иной, как мой старый приятель Чеддер по прозвищу Сыр. Но почему он вертится перед ювелирной витриной, было выше моего разумения.

Я устремился через улицу с намерением учинить ему допрос или экзамен, но как раз в эту минуту он вдруг набрался решимости. Пока я разбирался с проходящим автобусом, он весь подобрался, храбро вскинул голову и ринулся внутрь, как пассажир, влетающий в станционный буфет купить и проглотить порцию джина с тоником за две минуты, пока стоит поезд.

Когда я вошел туда, он, склонившись над прилавком, разглядывал какие-то изделия из рук почтенного продавца. Ткнуть его зонтом в мягкое место было для меня делом одного мгновения.

– Здорово, Сыр! – воскликнул я при этом.

Он сделал пируэт с виноватым видом балетного танцовщика, застигнутого за недоливом пива после отстоя пены.

– А, привет, – буркнул он.

И воцарилось молчание. То есть я хочу сказать, когда встречаются друзья детства, которые не виделись тысячу лет, им бы обменяться громогласными приветствиями и возобновить дружеские отношения. Но в данном случае ничего такого не произошло. Я-то расчувствовался при виде товарища моих детских игр, но вот Дж. д'Арси Чеддер вовсе не проявил ответного восторга. За свою жизнь я встречал немало людей, которым хотелось бы, чтобы Бертрам Вустер очутился где-нибудь не там, где находятся они, и поэтому без труда узнавал симптомы. Именно эти симптомы я сейчас наблюдал у моего бывшего приятеля.

Он оттащил меня от прилавка, загородив своим корпусом место покупки, как будто прятал от меня мертвое тело.

– Что за манеры тыкать в людей своим идиотским зонтом, – сказал он мне заметно обиженным тоном. – Меня чуть родимчик не хватил.

Я любезно извинился, объяснив, что человек с зонтом в руке, если ему посчастливится увидеть старого знакомого в согнутой позе, не может упустить представившейся возможности, и попробовал завести с ним светский разговор о том о сем, чтобы он успокоился и пришел в себя. Потому что он стоял передо мной такой смущенный, как будто это не я, а высокопоставленный полицейский чин, изловивший его за грабежом ювелирного магазина. Мне было совершенно непонятно, в чем тут дело.

– Да, брат Сыр, – говорю я ему, – давненько мы с тобой не виделись.

– Да, – отвечает он, показывая всем видом, что можно было бы и еще повременить.

– Как жизнь? – спрашиваю.

– В порядке. А у тебя?

– Спасибо, хорошо. По правде говоря, я сегодня чувствую необычайный прилив бодрости.

– Это хорошо.

– Я так и думал, что ты обрадуешься.

– Да, вполне. Ну ладно, Берти, пока. – Он пожал мне руку. – Рад был встрече.

Я от удивления вытаращил глаза. Неужели он всерьез думает от меня так легко отвязаться? Крупные специалисты пробовали отвязаться от Бертрама Вустера, но терпели поражение.

– Я еще не ухожу, – успокоил я его.

– Не уходишь? – с тоской переспросил он.

– Нет, нет. Я пока еще здесь. Дживс сказал, что ты заезжал ко мне сегодня утром.

– Да.

– В сопровождении Нобби.

– Да.

– До чего тесен мир.

– Не особенно.

– А Дживс со мной согласен.

– Ну, может быть, слегка тесноват, – вынужден был признать Чеддер. – Я тебя не очень задерживаю, Берти?

– Нет, нет.

– Я подумал, у тебя могут быть где-то дела.

– Да нет. Совершенно никаких дел.

Снова наступило молчание. Он промычал пару тактов модной шансонетки, но как-то безрадостно. И переступил с ноги на ногу.

– Давно ты там обретаешься?

– Где?

– В Стипл-Бампли.

– А-а. Нет, не особенно.

– Нравится тебе там?

– Очень.

– Что ты там делаешь?

– Делаю?

– Ладно, ладно тебе! Ты же меня понимаешь. Боко Фитлуорт, например, сочиняет там литературные произведения для широких масс. Мой дядя Перси, пароходный магнат, расслабляется после дня трудов на ниве пароходного магнатства. А у тебя какой рэкет?

На физиономии у него появилось странноватое выражение, он посмотрел на меня холодно и даже с каким-то вызовом – пусть, мол, я только попробую что-нибудь эдакое выкинуть. Помнится, точно такой же блеск я видел однажды за стеклами очков соседа в гостинице, когда он признался, что его фамилия Снодграс. Похоже, что мой давний приятель собирался сделать некое постыдное признание.

Но он тут же передумал.

– Да так просто, болтаюсь без дела.

– Болтаешься?

– Ну да. Бездельничаю, знаешь ли. Занимаюсь всякой чепухой, то одно, то другое.

Дальнейшие расспросы в этом направлении не сулили никаких результатов. Было очевидно, что Сыр не склонен к душевным излияниям. И тогда я перешел к другому вопросу, который меня сильно занимал.

– Ну ладно, – говорю, – оставим это. Почему ты топтался?

– Топтался?

– Да.

– Когда?

– Да вот только что. У входа.

– Я не топтался.

– Топтался совершенно явственно. Твой вид привел мне на ум девицу, которая, я слышал на днях от Дживса, шагнула робкими стопами туда, где воды ручья сливались с речными волнами[5]. А когда я вошел следом за тобой, ты тут шушукался с продавцом, явно совершая какую-то тайную покупку. Что ты покупаешь, Сыр?

И под моим пронзительным взглядом он пошел на признание. По-видимому, понял, что дальше отпираться бесполезно.

– Кольцо, – признался он вдруг осипшим голосом.

– Что за кольцо? – продолжал я развивать давление.

– Обручальное, – выдавил он из себя, крутя пальцами и всячески демонстрируя, что загнан в угол и сознает это.

– Ты что, обручился?

– Да.

– Вот так так!

Я от души расхохотался, как всегда в таких случаях, но он хриплым голосом, напоминающим рык шакала в Скалистых горах, спросил, какого черта я раскудахтался, и я тут же прекратил, как отрезал, дальнейшее веселье. Я всегда находил, что Сыр, если его раздразнить, довольно страшен. Когда-то в Оксфорде я в минуту слабости, сбитый с толку дурными советчиками, вздумал было заняться греблей, а тренером при нас был как раз Чеддер по прозвищу Сыр. Мне до сих пор вспоминаются некоторые его высказывания насчет моего брюха, которое я, по его мнению, справедливому или нет – другой вопрос, выпячивал. Можно подумать, что волжским бурлакам и сплавщикам леса выпячивать живот строго запрещается.

– Я всегда смеюсь, когда слышу о чьем-нибудь обручении, – пояснил я мирно.

Это, похоже, его не размягчило – если я правильно употребляю это слово. Он продолжал пламенеть.

– У тебя есть возражения против моей помолвки?

– Нет, нет!

– Разве я не имею права обручиться?

– Ну, разумеется.

– Что значит «Ну, разумеется»?

Я и сам толком не знал, что значит «Ну, разумеется», может быть, просто «Ну, разумеется» и больше ничего? Все это я попытался ему втолковать, позаботившись о том, чтобы в моих речах звучала утешительная нота. Он вроде бы немного подобрел.

– От души надеюсь, что ты будешь очень, очень счастлив, – произнес я.

Он поблагодарил – правда, сдержанно.

– И девушка хорошая?

– Да.

Ответ без лирики, но мы, Вустеры, умеем читать между строк. Глаза его стали закатываться, лицо цветом и выражением уподобилось благоговейному помидору. Сразу видно, что человек влюблен, как сорок тысяч братьев[6].

Тут мне пришла в голову одна мысль.

---

[5] Аллюзия на стихотворение Г. Лонгфелло «Девичество» (1842).

[6] Искаж. слова Гамлета над могилой Офелии. *У. Шекспир*. «Гамлет». Акт 5, сц. 1.

– Это не Нобби? – уточнил я.

– Нет, Нобби помолвлена с Боко Фитлуортом.

– Неужели?

– Да.

– А я и не знал. Кажется, он мог бы мне сказать. Значит, Нобби и Боко охомутались?

– Да.

– Ну и ну. Я вижу, смеющийся бог любви хорошо потрудился в Стипл-Бампли и окрестностях.

– Да.

– Ни минуты простоя. Работа в две смены. А твоя нареченная тоже из тех мест?

– Да. Ее фамилия Крэй. Флоренс Крэй.

– Что-о?!

Это слово сорвалось у меня с языка с некоторым подвыванием, и в ответ он вздернул одну бровь. Наверное, каждый Ромео испытывает легкий шок, когда приятели начинают подвывать, услышав имя его возлюбленной.

– А в чем дело? – спросил он с некоторым напрягом.

Этот возглас с подвыванием вырвался у меня, естественно, от счастья и облегчения. Представляете, ведь если Флоренс связана узами с ним, тогда опасность, перед которой я трепетал, считай, больше надо мной не висит. Спиноза там или не Спиноза, но факт тот, что Бертрам выходит на свободу. Только разве ему это объяснишь?

– Да так, ни в чем, – отвечаю.

– Ты с ней знаком, что ли?

– Да, случалось встречаться.

– Она никогда о тебе не говорила.

– Неужели?

– Ни единого раза. Давно ты ее знаешь?

– Порядочно.

– Вы хорошо знакомы?

– Неплохо.

– Что именно ты подразумеваешь под словом «неплохо»?

– Ну, довольно хорошо. Достаточно хорошо.

– Как вы познакомились?

Меня начала разбирать тревога. Еще вопрос-другой, и он дознается, что его нареченная была некогда знакома с Бертрамом очень даже близко, гораздо ближе, как я уже упоминал, чем ему бы этого хотелось; а ни одного новоявленного жениха не обрадует известие, что в списке у своей избранницы он, оказывается, стоит не под первым номером. Ему бы хотелось услышать, что дама его сердца безвылазно сидела в башне у окна и проглядела все глаза в ожидании, когда он прискачет к ней на белом коне.

Ну и я стал лавировать как мог. Кажется, слово «лавировать» здесь подходит, но надо будет удостовериться у Дживса.

– Ее зверский папаша женился на моей ужасной тетке.

– То есть леди Уорплесдон – твоя тетка?

– А то!

– А раньше ты ее не знал?

– Знал вообще-то. Но слегка.

– Понятно.

Он продолжал всматриваться в меня, словно какой-нибудь следователь из ФБР, беседующий с подозреваемым, и признаюсь без стыда, что ручкой зонта смахнул со лба каплю холод-

ного пота. Тревога по-прежнему терзала меня не покладая рук, и даже не по-прежнему, а еще энергичнее.

Я осознал теперь то, что поначалу ускользнуло от моего взгляда: отнеся его к разряду Ромео, я ошибся в диагнозе. Правильнее было бы поставить его в один ряд с другим шекспировским героем – Отелло. Очевидно, наш старый приятель Сыр принадлежит к тем нервным женихам, которые рыщут по окрестностям, готовые в бешенстве выпустить кишки из любого жителя округи, которого, по их мнению, можно заподозрить в прошлом или настоящем знакомстве с предметом их обожания. И узнай он даже в самых общих чертах о том, что было между мной и Флоренс, как в нем сразу же проснется и ощерится свирепый пещерный человек.

– Я сказал «слегка» в том смысле, что мы были всего лишь знакомы.

– А-а, всего лишь знакомы?

– Всего лишь.

– Просто встречались раз или два?

– Вот именно. Ты это совершенно точно выразил.

– Понятно. Я спрашиваю, потому что мне показалось, будто тебе стало как-то не по себе, когда ты услышал о нашей помолвке.

– Мне всегда как-то не по себе, когда близится время обеда.

– Ты весь передернулся…

– Это у меня тик.

– И словно бы охнул. Как если бы это известие было тебе неприятно.

– Ну что ты!

– Ты уверен?

– Совершенно.

– Вы же были не более чем знакомы?

– Именно что не более.

– И все-таки странно, что она ни разу о тебе не упомянула.

– Ну ладно, я пошел, – переменил я тему и ушел.

Глава 4

Домой Бертрам Вустер возвращался грустный и озабоченный. К тому же еще ощущалась некоторая дрожь в коленках. Вышеописанная сцена потребовала от меня большой затраты нервной энергии, если я правильно выражаюсь, а на это уходит слишком много сил.

Поначалу от сообщения Сыра у меня действительно гора с плеч свалилась. Я и теперь, закатывая глаза к небу, продолжал возносить безмолвную хвалу Господу. Но мы, Вустеры, как правило, думаем не только о себе, и мысль о том, какая беда грозит этому человеку, наполнила меня под самую завязку ужасом и состраданием. Я понял, что настал момент срочно организовать движение «Спасем Чеддера по прозвищу Сыр». Хотя он мне и не совсем уж такой закадычный друг, как, скажем, Боко Фитлуорт, но все-таки надо же иметь жалость. Я помнил, каково мне было, когда надо мной нависла реальная опасность, что Флоренс Крэй поведет меня к алтарю.

Как он до этого докатился, мне не надо было объяснять. Первопричина состояла в его идиотском стремлении усовершенствовать свою душу, именно оно привело его к мученическому концу. Таких флегматичных здоровяков, как он, обычно притягивают высоты духа.

В деле усовершенствования души все зависит от того, что Дживс называет психологией индивидуума, одни к этому склонны, другие – наоборот. Взять, например, меня. Я бы не сказал, что у меня такая уж великолепная душа, но какая есть, она меня вполне устраивает, я вовсе не хочу, чтобы кто-нибудь совался ее усовершенствовать. «Не прикасайтесь, – говорю я. – Оставьте мою душу в покое. Она мне как раз впору».

Другое дело Сыр. Остановите его на улице и предложите впрыснуть ему в душу духовного витамина – вы найдете в нем восприимчивую аудиторию и последователя, готового испробовать на себе любое средство. Флоренс, должно быть, показалась ему самым подходящим для этого средством, и, наверное, он с удовольствием листал «Типы этической теории», находя, что им как раз место в солдатском ранце на марше.

Но возникает вопрос – и от этой мысли борозды ложатся на чело, – надолго ли его хватит? Я хочу сказать, допустим, теперешнее положение ему нравится, но представьте себе, в один прекрасный день он присмотрится к своей душе, увидит, насколько она усовершенствовалась, и скажет: «Чу́дно. Хорошего понемножку. На этом поставим точку». И тут-то обнаружится, что он навеки связан по рукам и ногам с особой, у которой никакой точки даже в мыслях нет. От этой несчастной доли, иногда именуемой «горьким пробуждением», мне и захотелось его спасти.

Как это сделать, конечно, с ходу не скажешь. Многие на моем месте попросту бы развели руками. Но у меня в то утро голова работала, как электропила, а от двух доз горячительного, принятых у «Боллинджера», мысль простреливала все навылет. И к тому моменту, когда я поворачивал ключ в замке своей двери, я уже нащупал ответ. Надо написать экстренное письмо Нобби Хопвуд, все ей представить как есть и попросить, чтобы она отвела Сыра в сторонку и растолковала, что ему угрожает. Ведь Нобби, рассудил я, знает Флоренс с детских лет, так что ей и карты в руки.

Но все-таки на всякий случай, чтобы она ничего не упустила, я в письме аккуратно перечислил все пороки Флоренс не только как будущей жены, но и вообще как человека. В это письмо я вложил всю душу и с приятным чувством выполненного долга и сделанного доброго дела сбегал на угол, где опустил его в почтовый ящик.

По возвращении я нашел Дживса снова на посту. Он справился со своими делами и занимался чем-то по хозяйству в столовой. Я его кликнул, он явился.

– Дживс, – говорю я ему, – вы помните мистера Чеддера, который заходил сегодня утром?

– Да, сэр.

– Я встретил его только что, он покупал обручальное кольцо. Он теперь жених.

– Вот как, сэр?

– Да. И знаете чей? Леди Ф. Крэй.

– В самом деле, сэр?

Мы с ним обменялись многозначительным взглядом. Вернее, двумя многозначительными взглядами: я на него бросил один взгляд, а он на меня – второй. В словах не было нужды. Дживс превосходно знает все подробности взаимоотношений Вустер – Крэй, в тот ответственный период моей жизни он неотлучно находился рядом со мной. Собственно, как я уже писал выше в этих анналах, он-то и вызволил меня тогда из переделки.

– И что особенно больно, Дживс, он вроде бы даже рад этому.

– Вот как, сэр?

– Да, представьте. Скорее доволен, чем наоборот, так мне показалось. Это мне напомнило стихотворение: «Смотрите, как они та-там, та-ра та-ра та-ра-ра», и так далее. Вы, наверное, помните, как там дальше?

– «Увы, не ведая судьбы, несчастные резвятся»[7], сэр.

– Вот-вот, Дживс. Печальный случай.

– Да, сэр.

– Его необходимо спасти от его собственной глупости, и, к счастью, я уже держу это дело под контролем. Я предпринял нужные шаги и теперь ожидаю благополучного исхода. А теперь, – обратился я к следующему пункту в повестке дня, – расскажите мне про дядю Перси. Вы виделись с ним?

– Да, сэр.

– Просит совета и подмоги?

– Да, сэр.

– Я так и знал! И в чем дело? Шантаж? Хочет, чтобы вы выкрали компромат у водородной блондинки? Угодил в сети какой-то сообразительной авантюристки?

– О нет, сэр. Я не сомневаюсь, что личная жизнь его сиятельства безупречна.

Я взвесил его слова в свете известных фактов.

– Ну, я в этом не так уж уверен. Зависит от того, что понимать под безупречностью. Както раз он гонял меня целую милю, весьма метко орудуя охотничьим хлыстом. И притом именно тогда, когда я, выкурив до половины первую в жизни сигару, особенно нуждался в отдыхе и покое. На мой взгляд, человек, способный на такое, далеко не безупречен, а способен на любую подлость. Если не шантаж, так в чем же там дело?

– Его сиятельство оказался в несколько затруднительном положении, сэр.

– Чего ему надо?

Дживс ответил не сразу. Лицо у него сделалось каменным, в глазах появилось настороженное, некоммуникабельное выражение, как бывает у попугая, когда его угощает половинкой банана незнакомый человек, не внушающий ему полного доверия. Понимай, мол, так, что он, то есть Дживс, не из тех, которые выдают чужие секреты. Я поспешил успокоить его на этот счет:

– Вы же знаете меня, Дживс. Нем, как могила.

– Это большой секрет, сэр. Важно, чтобы дальше никуда не пошло.

– Да у меня его дикие кони не вырвут. Даже если бы попытались, что вряд ли.

– Ну хорошо. Его сиятельство уведомил меня, что он находится в завершающей стадии заключения контракта по чрезвычайно тонкому и важному делу.

– И он хочет, чтобы вы проверили, нет ли в договоре подводных камней?

– Не совсем так, сэр. Но он желал, чтобы я дал ему совет.

---

[7] Берти с Дживсом цитируют стихотворение Т. Грэя «Вид издали на Итонский колледж» (1742).

– К вам все обращаются за советами, Дживс, все, от великих до ничтожных.

– Благодарю вас за добрые слова, сэр.

– А не говорил он, что это за чрезвычайно тонкое и важное дело?

– Нет, сэр. Но все читают газеты.

– Я, например, не читаю.

– Вы не изучаете финансовые новости, сэр?

– Даже не заглядываю в них.

– В финансовых разделах сейчас уделяют много места сообщениям о предстоящем слиянии пароходной компании его сиятельства «Розовая труба» со столь же влиятельной фирмой в Соединенных Штатах Америки, сэр. Именно на этот контракт его сиятельство намекал в завуалированной форме.

Известие это не произвело на меня сногсшибательного впечатления.

– Два пароходных магната решили встать в одну упряжку?

– Выходит, так, сэр.

– Ну и дай им бог удачи.

– Да, сэр.

– Имеют право.

– Вот именно, сэр.

– А в чем проблема?

– Возникла довольно затруднительная ситуация, сэр. Дело достигло той стадии, когда его сиятельству необходимо лично встретиться для обсуждения с господином, ведущим переговоры от лица американской компании. В то же время очень важно, чтобы никто не видел его в обществе этого американца, иначе в Сити сразу сочтут, что вопрос уже решен окончательно, и это моментально отразится на курсах акций обоих концернов.

Тут для меня забрезжил некоторый свет. В другие дни с утра после какой-нибудь пирушки или попойки в «Трутнях» у меня бы от таких материй только голова разболелась. Но в то утро, как я уже говорил, я соображал на редкость ясно.

– То есть они поднимутся?

– Резкий подъем неизбежен, сэр.

– И дядю Перси такой оборот дел не устраивает?

– Нет, сэр.

– Потому что он рассчитывает скупить весь пакет до того, как вмешается тысячеголовое чудище – толпа и испортит рынок?

– Именно так, сэр. Rem acu tetigisti.

– Рем – что?

– …аку тетигисти, сэр. Латинское выражение. Буквально означает: «Ты коснулся сути иглой», но в более вольном переводе…

– Самое оно?

– Совершенно точно, сэр.

– Теперь я все понял. Вы мне разъяснили ситуацию. Попросту говоря, два старых стервятника решили сговориться между собой по секрету от всех, для чего им требуется тайное укрытие.

– Именно так, сэр. Надо иметь в виду, что за передвижениями обоих джентльменов неотступно следят представители финансовых изданий.

– Надо полагать, что в мире коммерции такие темные дела творятся постоянно?

– Да, сэр.

– Остается только посочувствовать.

– Да, сэр.

– Правда, непонятно, зачем дяде Перси еще больше обогащаться. У него и так денег навалом. Но, учитывая то обстоятельство, что он мне родственник, пусть и не по крови, все же мне следует, по-видимому, принять его сторону. Ну и как, вы что-нибудь придумали?

– Да, сэр.

– Я так и знал.

– Я подумал, что тайную встречу они могли бы незаметно устроить в какой-нибудь затерянной деревенской избушке.

Я поразмыслил над его словами.

– То есть в доме у сельского жителя?

– Вы верно меня поняли, сэр.

– Мне не особенно нравится эта идея, Дживс. По-моему, вы теряете хватку.

– Сэр?

– Ну, например, такое соображение против: как вы обратитесь к этому сельскому жителю, совершенно незнакомому человеку, с просьбой, чтобы он позволил вашим приятелям составлять заговор под его крышей?

– Необходимо, разумеется, чтобы хозяин помещения, где это будет происходить, знал его сиятельство.

– Вы хотите сказать, что это должен быть знакомый дяди Перси?

– Безусловно, сэр.

– Но, Дживс, дорогой мой друг, неужели вы не понимаете, что от этого будет только еще хуже? Задействуйте свою знаменитую голову. В этом случае хозяин сразу же скажет себе: «Эге! Старина Уорплесдон затевает какие-то шашни с неизвестными личностями! С чего бы это, а? Не иначе как заключается сделка о слиянии, про которую так много писали». Тут он выскакивает из дома, бежит звонить своему брокеру и велит, чтобы тот немедленно начал скупать соответствующие акции и не переставая скупал их до полного посинения. В результате все тщательно выпестованные планы дяди Перси рушатся, и он сидит с носом, злой как черт. Вы понимаете мою мысль, Дживс?

– Вполне, сэр. Я не упустил из виду такую возможность. Разумеется, обитателем избушки должен быть джентльмен, которому его сиятельство полностью доверяет.

– Кто, например?

– Ну, например, вы, сэр.

– Но… простите за прямоту, однако я вынужден в ваших же интересах открыть вам глаза… у меня ведь нет никакой избушки.

– Она может быть, сэр.

– Дживс, я вас не понимаю.

– Его сиятельство отдает в ваше распоряжение один из своих домиков, сэр. Он предписал мне передать вам, чтобы вы завтра же отправлялись в Стипл-Бампли…

– В Стипл-Бампли!

– …где вас ждет небольшое, но комфортабельное жилище, вполне готовое к немедленному заселению, расположенное в живописном месте неподалеку от реки…

Одного упоминания про реку мне было достаточно, чтобы представить себе, что именно произошло. Во всем Центральном районе Лондона едва ли найдется с десяток людей, которых было бы труднее обвести вокруг пальца, чем Бертрама Вустера, когда он с утра в хорошей форме, а я в то утро был в великолепной форме, дальше некуда. И я разгадал коварный заговор.

– Дживс, – говорю я, – вы поступили со мной подло.

– Мне очень жаль, сэр, но я не видел для его сиятельства иного выхода. Не сомневаюсь, что, когда вы увидите этот домик своими глазами, ваше предубеждение против Стипл-Бампли будет преодолено. Конечно, сам я его не видел, но, по словам его сиятельства, он снабжен всеми

современными удобствами и имеет одну просторную спальню для хозяина, одну прекрасно обставленную гостиную, водопровод с подачей как холодной, так и горячей воды…

– И все хозяйственные помещения, – заключил я язвительно.

– Да, сэр. Кроме того, вы окажетесь в непосредственном соседстве с мистером Фитлуортом.

– А вы – в непосредственном соседстве с вашими любимыми рыбами.

– Кстати, да, сэр. Об этом я не подумал, но вы и тут совершенно правы. Я бы с превеликим удовольствием посвящал ужению рыбы мгновения досуга, пока мы будем жить в «Укромном уголке».

– Как, вы сказали, этот домик называется? «Укромный уголок»?

– Да, сэр.

Я набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул через ноздри.

– Так вот, слушайте, что я вам скажу, Дживс. Ничего этого не будет. Вы поняли? НЕ БУДЕТ. Я ни за что не соглашусь, чтобы мною, это самое, как это говорится?

– Сэр?

– Ма-ни-пу-лировали, вот как! Ничего себе словечко! В три фута длиной.

– Если позволите, сэр, я могу…

– Бог с ним, Дживс. Сейчас не время пересчитывать буквы и футы. А если вернуться к прежней теме, то я полностью, решительно и бесповоротно отказываюсь ехать в Стипл-Бампли.

– Разумеется, сэр, вы имеете бесспорное право действовать по своему усмотрению, но…

Он не договорил и только потер подбородок. Я его понял.

– Но дядя Перси, возможно, меня не одобрит, хотите вы сказать?

– Да, сэр.

– И передаст вопрос на рассмотрение тети Агаты?

– Вот именно, сэр. А ее сиятельство, будучи во гневе, способна внушить ужас.

– Ваша правда, Дживс, – упавшим голосом произнес я. – Ладно. Складывайте вещи.

Глава 5

Справедливо замечено теми, кто пользуется привилегией близкого знакомства с Бертрамом Вустером, что его в первую голову отличает умение держать удары судьбы и довольствоваться тем, что имеешь. Поверженный, как говорится, наземь, он вновь встает, не то чтобы прямо-таки чирикая, как огурчик, но все же гораздо бойчее, чем можно ожидать, и тут же принимается высматривать у тучки светлую изнанку.

Пробудившись назавтра и спросонья нажимая на звонок, чтобы получить утреннюю чашку чаю, я заметил, что хотя по-прежнему смотрю в будущее с опаской, однако же не так жестоко угнетен, как накануне вечером. По коже все еще вприпрыжку бежали мурашки при мысли о том, как я попаду в зону влияния дяди Перси и его присных, но мне удалось углядеть в положении вещей одно сравнительно светлое пятно.

– Мне кажется, вы упомянули, Дживс, – заметил я по этому конкретному поводу, когда он вошел с чаем на подносе, – что тети Агаты не будет в Стипл-Бампли к моменту нашего торжественного прибытия?

– Да, сэр. Ее сиятельство предполагает некоторое время отсутствовать.

– Если она намерена пробыть с юным Томасом, пока его окончательно не откачают от свинки, то очень может статься, что я с ней вообще не пересекусь.

– Вполне вероятно, сэр.

– Уже неплохо.

– Да, сэр. И я рад сообщить вам еще одно приятное известие. Вчера во время своего визита сюда мисс Хопвуд упомянула вскользь о костюмированном бале, который должен состояться в Ист-Уайбли, ближайшем городе от Стипл-Бампли. Вы сможете принять в нем участие, сэр.

– Непременно, – согласился я, так как способен переплясать любого Фреда Астера[8], а что до карнавалов, то это мое самое любимое развлечение. – Когда начало?

– Завтра вечером, как я слышал, сэр.

– Прекрасно! Мои горизонты посветлели. Сейчас позавтракаю и пойду куплю себе маскарадный костюм. Синдбад-мореход, как по-вашему, годится?

– По-моему, ничего не может быть лучше, сэр.

– Не забыть только рыжую бороду к нему.

– Обязательно, сэр. Без бороды никак нельзя.

– Если вы уже упаковали большой чемодан, можно будет запихнуть маскарадный костюм в маленький.

– Очень хорошо, сэр.

– Мы поедем, конечно, на автомобиле.

– Может быть, будет лучше, сэр, если я приеду следом на поезде.

– Нельзя ли не так высокомерно, Дживс? Это не по-компанейски.

– Я упустил сообщить вам, сэр, что звонила мисс Хопвуд. Она интересовалась, не захватите ли вы ее в автомобиль. И я, полагая, что это соответствует вашему желанию, взял на себя смелость выразить от вашего имени согласие.

– Понятно. Да, я не против.

– Звонила также ее сиятельство.

– Тетя Агата?

– Да, сэр.

---

[8] Фред Астер (1899–1987) – прославленный танцор, звезда Голливуда.

– Надеюсь, никаких глупостей, что, мол, она раздумала сплачиваться вокруг юного Томаса?

– О нет, сэр. Она просто просила передать вам ее пожелание, чтобы вы по пути в Стипл-Бампли заехали в ювелирный магазин «Эспиналь» и забрали брошь, которую она там вчера купила.

– Да? А почему именно я? – спросил я не без язвительности, так как меня раздражает неумение этой родственницы различать, где ее племянник, а где мальчик на посылках.

– Насколько я понял, брошь предназначена в подарок леди Флоренс, отмечающей сегодня день своего рождения. Ее сиятельство желает, чтобы вы лично передали эту вещицу по назначению, ибо, если действовать обычным путем, подарок попадет в руки юбилярши по прошествии знаменательной даты.

– Иначе говоря, по почте он вовремя дойти просто не успеет?

– Вот именно, сэр.

– Понятно. Это может быть.

– Ее сиятельство была не вполне уверена, что вы сумеете благополучно выполнить ее поручение…

– Вот еще!

– …но я заверил ее в том, что вам это вполне под силу.

– Хо! – обиженно произнес я в ответ и задумался, держа перед глазами кусочек сахара на ложечке. – Так, значит, сегодня день рождения леди Флоренс? Это ставит передо мной деликатный вопрос, в связи с которым я был бы рад услышать ваше мнение. Следует ли мне со своей стороны тоже подкинуть что-нибудь?

– Нет, сэр.

– В этом нет нужды, вы считаете?

– Нет, сэр, после всего, что произошло.

Я обрадовался. Понимаете, при всем желании безотказно быть на высоте галантности, подарки – это дело очень тонкое, получательницы часто истолковывают их не так, как следует. После Спинозы и «Сплина» самый пустяковый флакон духов мог бы придать моей неотразимости такую силу, что эта стерва, глядишь, еще задумает отставить Чеддера и обратить глаза в другую сторону.

– Ну что ж. Верю вам на слово, Дживс. Значит, никаких подарков для очаровательной Ф. Крэй.

– Никаких, сэр.

– Но раз уж речь зашла на эту тему, Дживс, нам в скором времени понадобится подыскать подарок для юной Хопвуд.

– Сэр?

– Свадебный. Она взяла и обручилась с Боко Фитлуортом.

– Вот как, сэр? От души желаю молодой леди и джентльмену всяческого счастья.

– Отлично сказано, Дживс. Я тоже. Этот брачный сговор, замечу сразу же, я полностью одобряю, что бывает далеко не во всех случаях, когда я слышу о помолвке старого друга.

– Да, сэр.

– Очень часто при этом меня подмывает – например, сейчас в отношении бедняги Сыра – ухватить жениха зубами за брюки и оттащить прочь от опасности, как верные псы оттаскивают своих хозяев от края пропасти в безлунную, темную ночь.

– Да, сэр.

– Но тут у меня не возникает ни малейших опасений. Обе договаривающиеся стороны сделали наилучший выбор, так что я с легким сердцем приобрету набор вилок для рыбных блюд. Больше того, я даже согласен, если надо, быть шафером и произнести спич на свадебном завтраке, а дальше уж, кажется, некуда.

– Это верно, сэр.

– Ну, хорошо, Дживс, – сказал я, откидывая одеяла и вставая с одра сна. – Запускайте яичницу с беконом, через минуту я буду с вами.

Позавтракав и выкурив успокаивающую сигарету, я вышел на простор, так как у меня была с утра уйма дел. Я заглянул в «Эспиналь» и получил брошку, затем устремился на Ковент-Гарден в заведение «Братья Коген», пользующееся славой среди посвященных как Мекка для покупателей самых лучших маскарадных костюмов. Там мне, к счастью, смогли предложить нужного мне Синдбада, последний оставшийся костюм, а в близлежащем магазине театральных париков я получил великолепную рыжую бороду и тем самым был полностью укомплектован.

Возвратясь восвояси, я обнаружил уже стоящий у дверей автомобиль, из багажного отделения которого выглядывал недвусмысленно женский чемодан. А это означало, что Нобби на месте, и действительно, как я и ожидал, она сидела в гостиной и потягивала из стакана освежающее питье.

Поскольку со дня нашей последней встречи прошло изрядно времени, естественно, сразу же начались разные ужимки и прыжки и взаимное панибратство. Затем я, в свою очередь сглотнув порцию освежающего, повел ее к автомобилю и загрузил на сиденье. Чемоданчик с Синдбадом Дживс, согласно моим указаниям, устроил под передним сиденьем, чтобы я лично за ним приглядывал, и все было готово к отплытию. Я нажал на стартер, мы двинулись в путь, а Дживс остался на тротуаре, провожая нас взглядом, точно архиепископ, благословляющий паломников. Весь вид его выражал готовность вскорости последовать поездом в сопровождении тяжелого багажа.

Хотя мне и жаль было расставаться со своим надежным помощником, чье общество и разговор так возвышают душу и наставляют ум, но все-таки я радовался, что оказался с Нобби один на один. Мне хотелось услышать из первых уст все сведения о предстоящем союзе. Обе договаривающиеся стороны входили в круг моих самых близких друзей, и весть об их помолвке меня странным образом растрогала.

Я не из тех, кто болтает на улицах за рулем автомобиля, и, пока мы не вырвались из городской толчеи на простор, я хранил каменное безмолвие, не разжимая губ и не отводя взора от дороги. Только когда мы уже катили по Портсмутской дороге и не наблюдалось больше никаких помех для разговора, я приступил к делу.

Глава 6

– Так, значит, вас с Боко поманили флердоранжевые кущи? – начал я. – Я узнал об этом вчера от Сыра и пришел в большое волнение.

– Но ты же одобряешь?

– Полностью. Превосходная мысль, на мой взгляд. По-моему, вы оба сделали верный выбор, и давайте жмите дальше в том же направлении. Я всегда считал тебя отличным малым.

Она поблагодарила за лестный отзыв, а я заверил ее, что она его заслуживает.

– А что до Боко, – продолжал я, – то таких, как он, вообще раз-два и обчелся. Я мог бы порассказать тебе немало в доказательство того, что ты поставила на победителя.

– Мне не надо доказывать.

Голос ее звучал так нежно и томно, совсем как у курицы, квохчущей над снесенным яйцом, сразу видно, что относительно нее Купидон свои обязанности выполнил. Я крутанул руль, чтобы избежать столкновения с проходящей собакой, и вновь обратился к своему вопроснику. В таких делах я всегда стараюсь уяснить все подробности.

– Как давно вы сговорились?

– Примерно неделю назад.

– Но ты еще раньше чувствовала, что к тому идет?

– О да. Сразу, как мы познакомились.

– Когда именно?

– В конце мая.

– Значит, это любовь с первого взгляда?

– Да.

– С его стороны тоже?

– С его стороны тоже.

Можно без труда понять, как Боко с первого взгляда влюбился в Нобби, ведь Нобби – замечательная девушка, щедро одаренная всевозможными достоинствами. Но как могла она с первого взгляда влюбиться в Боко, это выше моего разумения. При первом взгляде на Боко вашим глазам открывается субъект с лицом ученого попугая, одетый к тому же, как принято среди высокообразованной молодежи, на манер бродячего велосипедиста – в свитер с воротом под горло и в серые фланелевые брюки с заплатой на колене, что создает общее впечатление чего-то такого, что провалялось ночь под дождем в мусорном баке. Единственный случай, когда мне довелось наблюдать Дживса по-настоящему ошарашенным, это при первом знакомстве с Боко. Бедняга вздрогнул, отшатнулся и на подкашивающихся ногах побрел в кухню, наверняка чтобы подкрепиться там кулинарным хересом.

Я описал Нобби этот случай, и она сказала, что да, конечно, она понимает.

– Можно было бы подумать, что он из тех, к кому привязываешься постепенно, со временем, а прежде надо привыкнуть, да? Представь себе, ничего подобного! Было одно мгновение сначала, когда у меня мелькнула мысль, что все это мираж, а потом – ба-бах! – точно громом ударило.

– Прямо вот так, моментально?

– Да.

– И он реагировал таким же образом?

– Таким же.

– Ну, тогда я чего-то недопонимаю. Ты сказала, вы познакомились в мае, а сейчас у нас июль на дворе. Почему же у него так много времени ушло на ухаживание?

– Он вообще-то не то чтобы ухаживал за мной.

– Что значит: вообще не то чтобы ухаживал? Либо ухаживают за девушкой, либо не ухаживают. Третьего пути не дано.

– Были причины, по которым он не мог дать себе волю.

– Ты говоришь загадками, юная Нобби. Однако же ладно, как бы там ни было, но в конце концов он все же уладил это дело. Когда же зазвонят колокола в деревенской часовенке?

– Не знаю, будет ли это когда-нибудь.

– Как ты сказала?

– Дядя Перси, видимо, полагает, что нет.

– Не понимаю…

– Он не одобряет нашу помолвку.

– Что?!

Я был поражен. Мне даже подумалось, не шутит ли она. Однако, приглядевшись попристальнее, я заметил плотно сжатые губы и затуманенное чело. Эта юная Хопвуд в обычном состоянии – синеглазая малявка с оживленной рожицей. Но сейчас рожица, о которой идет речь, была вся перекошена мукой, словно ее хозяйка проглотила тухлую устрицу.

– Ты это всерьез?

– Всерьез.

– Ну и ну! – воскликнул я.

Потому что дело это было непростое. Нобби, как я уже говорил, находилась под опекой. И обычно, насколько я понимаю, когда девушку А помещают под опеку господина Б, в контракт включают условие, что не может быть никаких разговоров о ее замужестве без согласия ответственного лица до достижения ею двадцатиоднолетнего, или сорокаоднолетнего, или еще уж не знаю какого возраста. Так что, если у дяди Перси действительно имелся антибоковский комплекс, за ним оставалось полное право закрыть всю лавочку бестрепетной рукой.

– Но почему? Я не понимаю. Помешался он, что ли? Боко Фитлуорт среди нас – один из самых завидных женихов. Зарабатывает своим пером кучу денег. Его писания встречаются повсеместно. Эта его пьеса, что шла в прошлом сезоне, имела немалый успех. А на днях в «Трутнях» я слышал, что его приглашают в Голливуд. Это правда?

– Правда.

– Ну, вот видишь.

– Все это так, я знаю. Но ты упускаешь из виду, что дядя Перси принадлежит к тем людям, которые с подозрением относятся к писателям. Он сомневается в их платежеспособности. Он всю жизнь занимается бизнесом и не представляет себе, что у кого-то еще, кроме бизнесмена, могут быть деньги.

– Да, но Боко без пяти минут знаменитость. В «Сплетнике» была опубликована его фотография.

– Верно, но дядя Перси считает, что писательский успех сегодня есть, а завтра улетучился без следа. Может быть, сегодня у Боко дела и в порядке, но дядя считает, что в любой момент его заработки могут прекратиться. И представляет себе, как через год или два ему придется вытаскивать Боко из очереди за бесплатным супом для безработных, да еще потом всю жизнь содержать его и меня и полдюжины маленьких Фитлуортиков. Ну и потом, он вообще с самого начала был предубежден против Боко.

– Из-за брюк?

– Отчасти, может быть, и из-за брюк.

– Глупости. Боко – писатель. Дядя Перси должен бы знать, что писателям позволяется многое из того, что запрещается другим. И кроме того, хотя я и не хотел бы, чтобы это слышал Дживс, но брюки – это еще не все.

– Но настоящая причина в том, что он считает Боко мотыльком.

Я окончательно перестал ее понимать. Она меня совершенно запутала. В жизни своей не встречал человека, так мало похожего на мотылька, как старина Боко.

– Как это – мотыльком?

– Ну да, которые порхают с цветка на цветок и лакомятся сладким нектаром.

– А дядя Перси не любит мотыльков?

– Тех, что порхают и лакомятся, – нет.

– Откуда ему могло взбрести в голову, что Боко из тех, что порхают и лакомятся?

– Понимаешь, когда он только появился в Стипл-Бампли, он был обручен с Флоренс.

– Что-о?

– Это она настояла на том, чтобы он там поселился. Вот что я имела в виду, когда сказала, что он не мог, как ты говоришь, по-настоящему, с полным размахом ухаживать за мной с самого начала. Помолвка с Флоренс немного связывала ему руки.

Я был изумлен. Я чуть было не переехал курицу от волнения.

– Помолвка с Флоренс? Он мне об этом не рассказывал.

– Вы ведь довольно давно не виделись.

– Да, это верно. Ну, знаешь ли! А ты слышала, что я тоже был одно время помолвлен с Флоренс?

– Конечно.

– А теперь она помолвлена с Сыром.

– Да.

– Надо же, какие чудеса. Необъяснимо, вроде великого переселения народов, о котором пишут в учебниках.

– Наверное, это из-за ее профиля. У нее красивый профиль.

– Если смотреть слева.

– И справа тоже.

– Д-да, пожалуй, справа до некоторой степени тоже. Но исчерпывающее ли это объяснение? По-моему, в наш занятой век невозможно постоянно виться вокруг женщины так, чтобы всегда смотреть на нее сбоку. Я все же нахожу загадочным это стремление половины человечества обручаться с Флоренс. Значит, вот почему дядя Перси холоден к Боко?

– Ледовит.

– Ясно. Его точку зрения можно понять. Ему не нравится такое перескакивание. Вчера Флоренс, сегодня ты. Он считает, что ты – просто еще один цветок, на который Боко перепорхнул с целью полакомиться нектаром.

– Наверное.

– И вдобавок он еще сомневается в его финансовых возможностях.

– Да.

Я задумался. Если дядя Перси в самом деле считает Боко мотыльком, способным в любой миг пойти по миру, – это для юных грез любви крупная неприятность. Я хочу сказать, и в богатом-то мотыльке нет ничего хорошего. Но он, по крайней мере, сам платит за квартиру. С каким же отвращением должен относиться человек старой консервативной закалки к тому, от кого вполне можно ожидать, что он всю жизнь будет являться к нему за подачками.

Но тут со свойственным Вустерам умением видеть светлую сторону я сообразил, что еще не все потеряно.

– С какого возраста ты имеешь право выйти замуж без дядиной резолюции?

– С двадцати одного года.

– А сейчас тебе сколько?

– Двадцать.

– Ну вот! Я знал: если вглядеться попристальнее, то увидишь, что солнце по-прежнему сияет. Надо подождать всего год – и нет проблем.

– Да. Но Боко через месяц уезжает в Голливуд. Не знаю, какого мнения ты об избраннике моего сердца, но, на мой любящий, внимательный взгляд, у него не такой характер, чтобы его можно было выпустить в Голливуд без жены, которая могла бы отвлекать его внимание от местной фауны.

Эти слова неприятно поразили меня, и в ответ я запустил в нее беспощадный крученый мяч:

– Без полного доверия не бывает взаимной любви.

– Кто это тебе сказал?

– Не знаю, наверное, Дживс. Изречение в его духе.

– Так вот, Дживс ошибается. Очень даже бывает взаимная любовь без полного доверия, имей это в виду. Я люблю Боко до безумия, но от одной мысли, что он уедет в Голливуд, а я останусь, меня просто оторопь берет. Сознательно он, конечно, меня не предаст. У него это как бы само получится. В одно прекрасное утро я получу покаянную телеграмму с известием, что накануне вечером он каким-то непонятным образом случайно женился, и как я думаю, что теперь делать? Такая уж у него, у моего хорошего, импульсивная натура. Ответить «нет» он просто не способен. Так он, должно быть, и с Флоренс тогда обручился.

Я задумался, нахмурив брови. Действительно, после ее разъяснений положение уже не казалось мне таким простым.

– Как же быть, по-твоему?

– Не знаю.

Я нахмурился вторично:

– Надо что-то предпринять.

– Но что?

Тут мне пришла в голову ценная мысль. У нас, Вустеров, часто так бывает. Кажется, попал в беспросветный тупик, а потом вдруг – раз! – и осенило.

Я сказал:

– Предоставь все мне.

Я просто-напросто сообразил, что, поселяясь ради дядюшки Перси в «Укромном уголке», я оказываю ему крупную услугу, и, если только он не совсем уж неблагодарное чудовище, ему придется отплатить мне добром за добро. Я без труда представил себе, как он жмет мне руку и говорит, что благодаря мне контракт удалось заключить и теперь я могу просить у него что угодно, он ни в чем мне не откажет.

– Тут, – сказал я, – потребуется тактичное вмешательство безупречно светского человека, сладкоречивого оратора, который, отозвав дядю Перси в сторону, замолвит за вас словечко, смягчит его сердце и уговорит взглянуть на вещи шире и разумнее. Это я беру на себя.

– Ты?

– Я самый. Все будет сделано в ближайшие день-два.

– О, Берти!

– Мне приятно оказать тебе помощь. Можно ожидать положительных результатов. Надеюсь, что он будет в моих руках подобен этому, как его, струнному инструменту.

Нобби выказала горячий девичий восторг:

– Берти, ты душка!

– Возможно. В какой-то мере.

– Ты чудесно придумал. Ведь ты так давно знаешь Боко.

– Практически с рождения.

– И ты столько хорошего можешь про него рассказать. Бывало в детстве, что он спасал тебе жизнь?

– Что-то не припомню.

– Можно ведь сказать, что бывало.

– Думаю, не стоит. Дядя Перси относился ко мне в этом возрасте без особой нежности. Ему бы, наверное, приятнее было услышать, что Боко в детстве неоднократно пытался меня укокошить. Ладно, все равно, предоставь это мне. Я найду подходящие слова.

Все это время, естественно, мой спортивный автомобиль знай себе катил по направлению к Стипл-Бампли, держа стрелку спидометра на шестидесяти или около. И вот теперь Нобби известила меня, что мы приближаемся к цели.

– Вон те высокие трубы за деревьями – это «Бампли-Холл». А видишь, просека отходит влево? Тут свернуть, и скоро будет домик Боко. А твой на полмили дальше, там будет еще поворот. Ты вправду поговоришь с дядей Перси?

– Не сомневайся.

– Не струсишь?

– Никогда.

– Хотя не исключено, что твое вмешательство не понадобится. Понимаешь, я подумала, что дяде Перси и Боко надо поближе познакомиться, тогда, может быть, дядя Перси его полюбит. И хотя это было непросто, я устроила так, чтобы сегодня дядя пришел к Боко обедать. Очень надеюсь, что обед прошел благополучно. Все зависит от того, как Боко себя вел. До сих пор, встречаясь с дядей, он всегда держался ужасно скованно. Я со слезами на глазах умоляла его дать себе волю, быть остроумным и непринужденным, и он обещал, что постарается. Так что я надеюсь на лучшее.

– Я тоже, – сказал я и, если память мне не изменяет, похлопал ее по руке. Затем, подъехав к «Бампли-Холлу», выгрузил ее и еще раз заверил, что, даже если у Боко за обедом выйдет осечка с обаянием, я позабочусь о том, чтобы дело кончилось благополучно. После чего, жизнерадостно махнув рукой на прощание, дал задний ход, развернулся и поехал по указанной ею просеке.

Но к этому времени вследствие нашего долгого разговора у меня появилась вполне ощутимая жажда и возникла мысль, несмотря на вполне естественное нетерпение поскорее занять свою квартиру, что надо бы все же по пути остановиться у Боко, чтобы он выставил необходимый утолитель. Увидев белый домик над рекой, я предположил, что это как раз и есть Боково обиталище, ведь, согласно указаниям Нобби, я должен по пути в «Укромный уголок» проехать мимо него.

Я остановился на траверсе и, заметив сбоку распахнутое окно, приблизился и свистнул.

Сиплый возглас, раздавшийся в ответ, и небольшая фарфоровая фигурка, пролетевшая у самого моего уха, послужили мне знаком того, что мой старый друг находится дома.

Глава 7

Фарфоровая фигурка на лету едва не врезала мне по уху, я непроизвольно вскрикнул: «Ой!» – и словно в ответ на мой возглас в окне показался Боко. Волосы у него были всклокочены, физиономия раскраснелась – по-видимому, от занятий литературой. Вообще, как я уже говорил, этот литературный деятель внешне напоминает помесь циркового клоуна с попугаем, которого протащили хвостом вперед сквозь колючую изгородь; но особенно непрезентабельный вид у него бывает за работой. Естественно, я предположил, что прервал его в самом законовыристом месте посередине главы.

Сначала сквозь очки в роговой оправе он устремил на меня пламенный, испепеляющий взор, но, когда пригляделся и узнал меня, пламя за стеклами погасло и сменилось недоумением.

– Господи, Берти! Это ты?

Я подтвердил, что да, это действительно я, а он извинился за то, что швырялся в меня фарфоровыми предметами.

– Зачем ты кричал, как малая ушастая сова? – укоризненно сказал Боко. – Я решил, что это юный Эдвин. Он пробирается сюда тайными тропами, чтобы оказать мне какую-нибудь добрую услугу, и всегда оповещает о своем присутствии криком малой ушастой совы. Я постоянно держу под рукой на столе боеприпасы. Откуда ты, чертяка, взялся?

– Из нашей древней столицы. Только что приехал.

– Мог бы догадаться выслать телеграмму. Я бы заколол упитанного тельца.

Было ясно, что у него сложилось ошибочное представление.

– Я не к тебе приехал, – уточнил я. – Я сам расположился тут поблизости в небольшом домике, который находится дальше по этой дороге, как мне сказали.

– В «Укромном уголке»?

– Именно.

– Ты снял «Укромный уголок»?

– Да.

– Чего это ты вдруг вздумал?

Я предусмотрел, что от меня может потребоваться какое-то объяснение, и ответ был у меня готов. Относительно истинной причины моего появления в Стипл-Бампли на мне, само собой, лежала печать молчания, так что тут требовалась выдумка.

– Дживсу захотелось поудить здесь рыбу. И кроме того, – поспешил я добавить, чтобы получилось правдоподобнее, – как мне сообщили, завтра вечером в этих краях должен разразиться бал-маскарад. Ну а ты знаешь, как на меня действуют слухи о таких мероприятиях. Как глас трубы на боевого коня. А теперь, – заключил я, облизывая пересохшие губы, – как насчет прохладительного питья? С дороги мой организм слегка обезвожен.

Я залез в окно и плюхнулся в кресло, а Боко отправился за исходными продуктами. Вскоре он возвратился с позвякивающим подносом в руках, и, после того как мы обменялись общепринятыми приветствиями и поболтали о том о сем, я в соответствии с требованиями вежливости поздравил его с помолвкой.

– Я говорил Нобби, когда вез ее сюда в своем автомобиле, что просто не представляю себе, как могла девушка, какую ни возьми, влюбиться в тебя с первого взгляда. Мне бы казалось, что это за пределами человеческих возможностей.

– Я и сам был поражен. Едва на ногах устоял от изумления.

– Еще бы. Хотя, если подумать, самые неожиданные личности способны зажечь в чьем-то сердце искру страсти. Взять, например, мою тетю Агату.

– О да!

– Или Сыра.

– Ты уже знаешь про Сыра?

– Я застал его в ювелирном магазине за покупкой кольца и услышал лично от него, в какой переплет он угодил.

– Радуюсь, что я сам цел остался.

– И я тоже. Нобби считает, что такое действие оказывает ее профиль.

– Вполне возможно.

Наступила тишина, нарушаемая лишь мелодичным звоном стаканов, наполняемых по второй. Выпив, Боко испустил глубокий вздох и высказался в том духе, что жизнь – странная штука; а я полностью согласился, что действительно, очень даже странная во многих отношениях.

– Возьми мой случай, – продолжал он. – Нобби тебе описала ситуацию?

– Про то, что дядя Перси чинит препятствия? Да.

– Ничего себе историйка, а?

– Мне тоже так показалось. Сердце кровью обливается.

– Подумать только, чтобы жениться, требуется чье-то согласие, и это в наш просвещенный век! Анахронизм какой-то. Попробуй сочинить рассказ с таким сюжетом – не подойдет даже для дамского журнала. Кажется, твоя тетя Далия издает журнальчик для женского чтения?

– Да, «Будуар элегантной дамы». Еженедельник по шесть пенсов. Я один раз опубликовал там статью «Что носит хорошо одетый мужчина».

– Никогда в руках не держал, но не сомневаюсь, что это журнальная продукция низшей категории. И однако, если бы я предложил твоей тетке рассказ о том, как девушка не может выйти замуж за любимого человека без согласия какого-то жалкого главы семейства, сама же твоя тетка меня бы и осмеяла. То есть заработать честный пенни я на этой глупости не могу, но она вполне может послужить препятствием и погубить мою жизнь. Ничего себе!

– А что тебе будет, если пренебречь?

– Упекут в кутузку, я думаю. Или это – только если женишься на воспитаннице королевского приюта без согласия лорд-канцлера?

– Тут я пас. Можно спросить у Дживса.

– Да, Дживс, конечно, знает. Он у тебя с собой?

– Движется следом с крупным багажом.

– Как он вообще сейчас?

– Нормально.

– Мозги работают?

– Еще как!

– Тогда, может быть, он придумает для меня какой-нибудь выход из положения.

– Дживс нам не понадобится. Этим делом занимаюсь я сам. Я обращусь к дяде Перси и склоню его в вашу пользу.

– Ты?!

– Интересно, что то же самое сказала Нобби. И точно таким же удивленным тоном.

– Но я думал, ты его боишься до остолбенения?

– Верно. Однако я смог оказать ему серьезную услугу и теперь имею на него большое влияние.

– Что ж, отлично, – произнес Боко, посветлев. – Тогда действуй, Берти. Но имей в виду, – добавил он, снова потемнев, – это будет нелегко.

– Там посмотрим.

– Нечего смотреть. Я точно знаю. После всего, что случилось за обедом…

У меня на сердце вдруг ощутимо заскребли кошки.

– За обедом, которым ты угощал дядю Перси?

– Вот-вот.

– Он что, прошел не слишком благополучно?

– Не слишком.

– Нобби предвкушала, что этот обед решит все вопросы.

– Дай ей бог здоровья, маленькой оптимистке.

Я устремил на него проницательный взгляд. Выражение лица у него было явно не из радостных. Кончик носа безнадежно морщился. Складки заботы и страдания недвусмысленно бороздили чело.

– Расскажи мне все, – попросил я.

Он испустил тяжелый вздох.

– Понимаешь, Берти, эта ее затея с самого начала была ошибкой. Нельзя было сводить нас вместе. А уж если пришлось нас свести, то хоть бы она не велела мне быть остроумным и непринужденным. Ты знаешь, что она мне велела быть остроумным и непринужденным?

– Да. Она сказала, что в присутствии дяди Перси ты иногда бываешь несколько скован.

– Я всегда бываю несколько скован в присутствии пожилых джентльменов, которые при виде меня фыркают, как пароходная сирена, и смотрят на меня изничтожающе, словно я – агент Москвы, распространяющий красную заразу. У меня тонкая, возбудимая художественная натура. Старый склеротик меня терпеть не может.

– Нобби мне говорила. По ее словам, причина в том, что он считает тебя мотыльком. А я лично думаю, что всему виной твои серые фланелевые брюки.

– А они-то чем плохи?

– Ну, в первую голову заплатой на колене. Она сразу создает неблагоприятное впечатление. У тебя нет других брюк?

– Кто я, по-твоему, Бо Браммел?[9]

Я не стал углубляться в эту тему.

– Рассказывай дальше.

– На чем я остановился?

– На том, что ты сплоховал, стараясь быть остроумным и непринужденным.

– А, ну да. Из-за этого все так и получилось. Понимаешь, первое, что должен сделать человек, которому велят быть остроумным и непринужденным, – это спросить себя: насколько остроумным? До какой степени непринужденным? Должен ли он, говоря иными словами, умеренно лучиться или же от него требуется распоясаться на всю катушку? Я думал, думал и решил не останавливаться ни перед чем и пуститься во все тяжкие. Это, как я теперь понимаю, было ошибкой.

Он замолчал и на какое-то время погрузился в задумчивость. Мне было ясно, что его одолевает неприятное воспоминание.

– Ты, Берти, – очнувшись наконец, произнес он, – не обедал, случайно, в «Трутнях» в тот день, когда Фредди Уиджен принес к столу «шутейные товары»?

– «Шутейные товары»?

– Такие вещицы, которые рекламируются в игрушечных магазинах как средство создать за обедом непринужденную атмосферу, чтобы все обедающие покатывались со смеху. Ну, знаешь, Подскакивающая Тарелка, Стакан-Проливайка, Солонка с Сюрпризом.

– А-а, эти.

Вспомнив тот вечер, я захохотал от души. Китекэт Поттер Перебрайт как раз переживал муки похмелья, и мне в жизни не забыть, что с ним было, когда он взялся за кольцо с салфеткой,

[9] Джордж Брайан «Франт» (Бо) Браммел, (1778–1840) – близкий друг и арбитр элегантности в окружении принца-регента Джорджа, впоследствии короля Георга IV.

а оттуда с писком выбежала резиновая мышь. Мужественные мужчины ринулись на подмогу с рюмками бренди.

Но потом я перестал хохотать от души. До меня дошел страшный смысл рассказа Боко, и я взвился, как будто мне пронзили кожный покров докрасна раскаленным вертелом.

– Не хочешь же ты сказать, что испробовал эти штуки на дяде Перси?

– Да, Берти. Именно так я и сделал.

– Вот это да!

– Тут ты совершенно прав.

Я издал глухой стон. Душа у меня похолодела. Конечно, к писателям надо подходить со снисходительной меркой, поскольку все они более или менее сдвинутые. Взять, скажем, Шекспира. Крайне неуравновешенный тип. Воровал у людей уток. И все-таки я не мог избавиться от ощущения, что Боко, угостив опекуна любимой девушки «шутейными товарами», в естественной для писателей безмозглости перегнул палку. Даже Шекспир, я думаю, на такое бы не решился.

– Но зачем?

– Должно быть, мной двигало подсознательное желание показать себя с человеческой стороны.

– И как он отреагировал? Крупно?

– Довольно крупно.

– Ему не понравилось?

– Нет. Это я твердо могу сказать. Совсем не понравилось.

– Он отказал тебе от дома?

– Незачем отказывать человеку от дома, когда уже посмотрел на него так, как он посмотрел на меня поверх Солонки с Сюрпризом. Довольно того, что сказано глазами. Знаешь, как работает Солонка с Сюрпризом? Берешь, чтобы подсолить, встряхиваешь над тарелкой и вместо соли вытряхиваешь паука. Оказалось, он смертельно боится пауков.

Я встал. Все было ясно.

– Ну, я пошел, – проговорил я слабым голосом.

– Куда ты торопишься?

– В «Укромный уголок». С минуты на минуту должен приехать Дживс с вещами, и надо будет располагаться.

– Понимаю. Я бы поехал с тобой, только я занят сочинением художественного письма с извинениями на имя его сиятельства лорда Уорплесдона. Лучше уж я его допишу, хотя если то, что ты говорил о своем влиянии на дядю, – правда, тогда, возможно, оно и не понадобится. Ты уж изложи дело поубедительнее, Берти. Не жалей красок. Пусть золотые слова текут медвяной струей. Ибо, как я тебе уже сказал, задача перед тобой непростая. Понадобится недюжинное красноречие. Да, и кстати сказать, ни слова Нобби про этот злосчастный обед. Правду о нем если и придется ей сообщить, то осторожно, по частям.

Дальше в «Укромный уголок» я ехал уже совсем не в том жизнерадостном настроении, в каком явился к Боко. Перспектива разговора по душам с дядей Перси утратила, можно сказать, почти всю свою привлекательность.

Я представлял себе, какой вид будет у моего престарелого свойственника, как только он услышит от меня имя Боко: в глазах огонь, усы торчком и весь облик – как у раздражительного тигра в чаще, когда у него из-под носа удрал и вскарабкался на пальму облюбованный поселянин. Сказать, что Бертрам Вустер содрогнулся от страха, было бы, пожалуй, преувеличением, но определенное похолодание нижних конечностей было, безусловно, налицо.

Я уговаривал себя, что после заключения сделки воцарится всеобщее ликование и старик даже на Боко будет взирать благосклонным взором, когда вдруг раздался велосипедный звонок

и чей-то голос назвал мое имя, притом так властно, что я, не рассуждая, нажал на тормоз и обернулся. Лучше бы я не оборачивался.

Остановившись бок о бок со мной, слезал с велосипеда Чеддер по прозвищу Сыр, и взор, который он устремил на меня, когда вышел вперед и загородил мне дорогу, был далеко не благосклонный. Этот взор выражал удивление и враждебность. «Что тут делает этот субъект, черт побери?» – читалось в нем. Таким взором героиня в пантомиме награждает Царя Демонов, вдруг выскочившего рядом с нею из люка. О чем Сыр в данную минуту думает, мне было так же ясно, как если бы его мысли транслировались по общебританскому радио.

Я с самого начала ощущал некоторое беспокойство, представляя себе реакцию этого Отелло, когда он обнаружит на местности мое присутствие. По тому, как он отнесся к известию о нашей с Флоренс старой дружбе, было видно, что у него в мозгу преобладает болезненный уклон и Бертрам вызывает у него подозрения, поэтому была опасность, что теперь он истолкует мой внезапный приезд в самом неблагоприятном смысле. Ему обязательно покажется, что вся ситуация сильно напоминает приезд юного Лохинвара из Западных стран[10]. А я, поскольку у меня на устах – печать молчания, ничего не смогу объяснить.

Положение крайне деликатное и двусмысленное.

Тем не менее вы не поверите, но глаза у меня полезли на лоб не потому, что оправдались мои наихудшие опасения при виде его грозной физиономии, а потому, что она выглядывала из-под самой настоящей полицейской каски. Мало того, мускулистый торс был облачен в полицейский мундир, а на ногах наблюдались тупоносые форменные ботинки, или жукодавы, дополняющие официальный комплект доспехов, в которых нам является неумолимый Закон.

Иначе говоря, Чеддер по прозвищу Сыр внезапно преобразился в деревенского полисмена, и я смотрел на него в полном недоумении.

[10] О том, как юный герой Лохинвар возвратился из Западных стран, рассказывается в начале поэмы В. Скотта «Мармион» (1808).

Глава 8

Я ничего не мог понять.

– Лопни мои глаза, Сыр! – воскликнул я на старинный манер, не в силах скрыть изумление. – По какому поводу маскарад?

Он задал мне встречный вопрос:

– Какого дьявола ты здесь делаешь, кровавый Вустер?

Я поднял ладонь. К черту подробности.

– Почему ты одет в костюм полицейского?

– Потому что я полицейский.

– Ты полицейский?

– Да.

– Полицейский в смысле «полицейский»? – с трудом сформулировал я.

– Да.

– Ты – полицейский?

– Да, черт тебя дери! Оглох ты, что ли? Я – полицейский.

Наконец я понял. Он – полицейский. В памяти у меня всплыла наша вчерашняя встреча в ювелирном заведении, и стало понятно, почему он так туманно и неопределенно ответил на мой вопрос, что он делает в Стипл-Бампли. Он попытался уклониться от ответа, боясь, что я начну над ним смеяться, – и так оно, конечно, и было бы, уж я бы над ним нахохотался вволю. Даже сейчас, хотя опасная ситуация не располагала к шуткам, я про себя придумал по меньшей мере три остроумнейшие насмешки.

– А в чем дело? Почему бы мне не быть полицейским?

– Ну да, конечно.

– Теперь половина знакомых в полиции.

Я кивнул. Это была истинная правда. С тех пор как открыли Хендонский колледж[11], в полиции, куда ни повернешься, натыкаешься на старых однокашников. Помню, как Бармы Фодерингей-Фипс с чувством описывал один случай, когда после гребных гонок его арестовал ночью на Лестер-сквер родной младший брат Джордж. И примерно такая же штука произошла у Фредди Уиджена в Херст-Парке с кузеном Сирилом.

– Да, но в Лондоне, – согласился я, хотя и с оговоркой.

– Вовсе не обязательно.

– С расчетом попасть в Скотленд-Ярд и подняться на высшие ступени в своей профессии.

– Это я и намерен осуществить.

– Попасть в Скотленд-Ярд?

– Да.

– И подняться на высшие ступени?

– Да.

– Ну что ж, – проговорил я, – я буду с интересом следить за твоими будущими успехами.

Но я проговорил это с сомнением. В Итоне Сыр был капитаном гребной команды. И в Оксфорде он тоже был неутомимым гребцом. То есть формировался он, исключительно работая веслом: сначала погружал его в воду, потом давал рывочек и снова поднимал из воды. Только самый окончательный тупица согласился бы растратить золотые юные годы на такие занятия, мало того что глупые, но еще и жутко выматывающие, и Сыр Чеддер как раз и был самым окончательным тупицей. Так-то он собой был парень что надо, снизу доверху, включая шею. Но выше – бетон. И я что-то не представлял себе его в составе Большой Четверки. Из

[11] Лондонское учебное заведение для подготовки служащих полиции.

него скорее вышел бы полицейский-недотепа, вроде тех, что, если помните, постоянно вертелись у Шерлока Холмса под ногами.

Однако этого я ему не сказал. Собственно, я вообще ничего не сказал, так как сосредоточенно обдумывал этот новый и неожиданный оборот дела. Спасибо Дживсу, что он забраковал подарок для Флоренс. Потому что Сыр, проведай он о том, что я преподнес ей подарок, разорвал бы меня на куски или в крайнем случае содрал бы с меня штраф за непрочищение дымохода. С полицейскими шутки плохи.

До сих пор я успешно уклонялся от ответа на его первый вопрос, но понимал, что передышка эта временная. Фараонов специально натаскивают, чтобы они не отвлекались. Поэтому я не удивился, когда он задал мне его вторично. Хотя, конечно, предпочел бы, чтобы он этого не сделал. Я просто говорю, что я не удивился.

– Ладно, к дьяволу все это. Ты мне не ответил, что ты делаешь в Стипл-Бампли.

Я стал выкручиваться.

– Да так, ехал мимо, дай, думаю, заверну ненадолго, – непринужденно обронил я в прославленной беззаботной манере Бертрама Вустера.

– То есть ты тут останешься?

– На некоторое время. Где-то в том направлении находится мое временное гнездышко. Надеюсь, ты будешь часто туда заглядывать в свободные от работы часы.

– И что же это тебя вдруг потянуло устроить временное гнездышко в здешних краях?

Я пошел по наигранному пути:

– Дживс захотел немного порыбачить.

– Вот как?

– Да. Здесь рыбалка, он говорит, чудесная. Берешь крючок, а остальное делают рыбы.

Он уже давно смотрел на меня пренеприятным тусклым взглядом, сведя брови и выпучив глаза. Теперь же выражение его стало еще непримиримее. Не хватало только блокнота и огрызка карандаша, и можно было бы подумать, что он допрашивает жалкого обитателя уголовного мира, где тот был в ночь на двадцать пятое июня.

– Понятно. Значит, согласно твоим показаниям, Дживс хотел тут немного порыбачить, так?

– Так.

– Ну так вот, а теперь я скажу тебе, чего хотел ты, чертов Вустер. Ты хотел тут немного поподличать.

– Чего-чего я хотел? – переспросил я, прикидываясь непонимающим, хотя мне все уже было ясно.

– Скажу яснее. Ты явился сюда, чтобы поувиваться вокруг Флоренс.

– Ну что ты, дружище!

Он скрипнул зубом или двумя. Было очевидно, что он настроен угрожающе.

– Могу тебе, кстати, сказать, – продолжал он, – что меня не убедили твои вчерашние показания, то есть объяснения. Ты заявил при нашей встрече, что знал Флоренс только…

– Одну минуту, Сыр. Прости, что перебиваю, но стоит ли трепать имя женщины?

– Да, стоит! И мы будем его трепать, сколько понадобится.

– Ладно, хорошо. Я просто хотел уточнить.

– Ты утверждал, что знал Флоренс только слегка. «Я знаком с ней неплохо» – вот твои точные слова. И они уже тогда показались мне подозрительными. По возвращении я спросил ее о тебе, и выяснилось, что ты был с ней помолвлен.

Я облизнул пересохшие губы. При общении tête-à-tête с нашей полицией я всегда немного теряюсь. Под взглядом слуг закона меня покидает мужество. Может, это каска так действует. А может, башмаки. И естественно, когда грозный жандарм обвиняет вас в попытке увести его девушку, неловкость усугубляется. На тот конкретный момент я чувствовал себя под сверля-

щим взором Сыра примерно так же, как Юджин Арам, когда ему надели наручники[12]. Помните это место? «Ти-там-ти-там ти-там-ти-там ти-там-ти-там ненастье (вроде бы там была плохая погода), и Юджин Арам посреди, оковы на запястьях».

Я прокашлялся и решил испробовать обезоруживающую искренность:

– А, ну да. Теперь вспомнил. Совершенно верно. Мы действительно были помолвлены. Давным-давно.

– Не так уж и давно.

– Ощущение такое, будто в незапамятные времена.

– Да?

– Точно.

– В самом деле так?

– Определенно.

– Было, но прошло?

– Вот именно.

– И сейчас между вами ничего нет?

– Ничегошеньки.

– Тогда как ты объяснишь тот факт, что она дарит тебе свою книжку с надписью: «Милому Берти с любовью от Флоренс»?

Я пошатнулся. И одновременно, признаюсь, ощутил к Сыру некоторое уважение. Сначала, когда он говорил о своем намерении подняться в Скотленд-Ярде на высшие ступени, я, если помните, расценил его шансы как очень невысокие. Но теперь создавалось впечатление, что из него еще, пожалуй, получится первоклассный детектив.

– Ты держал эту книгу в руке, когда вошел в ювелирный магазин, а уходя, оставил на прилавке, и я в нее заглянул.

Я сразу же снова изменил мнение насчет его сыщицких задатков. Ничего особенного, оказывается. Шерлок Холмс, например, всегда говорил, что детективу не следует открывать свои методы.

– Ну, так как же?

Я весело рассмеялся. Вернее, сделал попытку рассмеяться. А получилось что-то наподобие предсмертного хрипа.

– Ха-ха, это так смешно вышло!

– Да? Что ж, посмеши меня.

– Я был в книжном магазине, и вдруг приходит она…

– Ты назначил ей свидание в книжном магазине?

– Да нет, это была случайная встреча.

– Понятно. А теперь ты приехал сюда, чтобы условиться о новой случайной встрече?

– Да что ты, бог с тобой!

– Ты всерьез надеешься меня убедить, что не преследуешь цели похитить ее у меня?

– И в мыслях ничего подобного не имею, старина.

– Не называй меня «старина».

– Ладно, не хочешь – не буду. Вся эта история, констебль, – всего лишь дурацкое недоразумение. Как я говорил, я был в книжном магазине, и вдруг…

Но он прервал меня, горячо прокляв все книжные магазины до пятого колена.

– Меня не интересует книжный магазин. Все дело в том, что ты явился сюда как подколодная змея, и я не намерен этого терпеть. Могу сказать тебе только одно, Вустер. Убирайся отсюда!

– Но…

---

[12] Юджин Арам – преступный персонаж поэмы Т. Гуда «Сон Юджина Арама» (1829).

– Исчезни. Чтоб я тебя тут больше не видел! Гони обратно в свою лондонскую нору, и чем скорее, тем лучше.

– Но я не могу.

– Что значит не можешь?

У меня, как я уже говорил, лежала на устах печать молчания. Но Вустеры соображают в два счета.

– Не могу из-за Боко, – объяснил я ему. – Я хлопочу о нем в одном деликатном деле. Как ты, возможно, слышал, дядя Перси вздумал препятствовать его браку с Нобби, и я пообещал им обоим, что замолвлю за них словечко. Ну а для этого требуется, само собой, чтобы сохранялся статус… это самое… как его?

– Тьфу!

– Не тьфу, а кво. Вспомнил все-таки. Чтобы заступиться за эту парочку перед пусть и не родным, но дядей, нужен статус-кво, ясно?

Я лично считал, что дал исчерпывающее и убедительное объяснение, и потому сильно расстроился, увидев на его физиономии презрительную гримасу.

– Не верю ни единому слову, – произнес он грозно. – Ты должен замолвить перед дядей словечко? Да какой от твоего словечка может быть прок? Как будто твои разговоры могут хоть как-то на кого-то повлиять. Повторяю: убирайся отсюда. А не то…

Что именно тогда случится, он не уточнил, но так грозно вскочил на велосипед и нажал на педали, что всякие слова тут были излишни. Никогда еще не видел, чтобы человек так зловеще работал голеностопными суставами.

На ослабевших ногах я стоял и смотрел ему вслед, и в это время из-за поворота, с той стороны, где должен находиться «Укромный уголок», послышалось треньканье другого велосипедного звонка, и мне навстречу выехала Флоренс. Час от часу не легче, это уж точно.

В полную противоположность Сыру ее глаза сияли светом гостеприимства. Возле автомобиля она спешилась и одарила меня приветливой улыбкой.

– Ах, Берти! Вот и ты. А я только что занесла цветы тебе в «Укромный уголок».

Я поблагодарил, но сердце у меня неприятно сжалось. Не понравилось мне, что она мне так улыбается, и не понравилось, что она не жалеет трудов, рассыпая цветы на моем пути. Тут чувствовался какой-то избыток дружелюбия. Но потом я прикинул, что раз она помолвлена с Сыром, значит, я могу ничего не опасаться. Ведь как бы там ни было, но ее папаша женился на моей тете, и мы теперь вроде как двоюродные, и не обязательно приходить в панику от обыкновенного проявления родственного радушия. В конце-то концов, если разобраться, кровь родная – не водица.

– Страшно мило с твоей стороны, – говорю. – А я тут только что болтал с Сыром.

– С сыром?

– С твоим женихом.

– Ах, с д'Арси. Почему ты зовешь его сыром?

– Прозвище такое. Со школьных времен. Мы ведь с ним вместе учились.

– Да? Тогда ты, может быть, мне ответишь, всегда ли он вел себя так по-идиотски, как сегодня?

Это мне не понравилось. Не похоже на язык любви.

– В каком смысле ты употребила выражение «по-идиотски»? – спросил я.

– Как единственное, которое подходит для человека, которому богатый дядя хочет и даже жаждет оказать протекцию, а он сознательно предпочел стать деревенским полисменом.

– А почему это он? – не понял я. – Зачем ему становиться деревенским полисменом?

– Говорит, что каждый мужчина должен стоять на собственных ногах и самостоятельно зарабатывать на хлеб.

– Смотри какой сознательный.

– Вздор.

– Ты не считаешь, что это его характеризует с наилучшей стороны?

– Не считаю. Я считаю, что он ведет себя как совершенный болван.

Мы помолчали. Было ясно, что поведение Сыра вызывает болезненную реакцию и надо как-то поддержать молодого стража порядка. Ибо, вы же понимаете, очутившись снова лицом к лицу с этой особой, я оставил всякую мысль организовать движение «За спасение Чеддера по прозвищу Сыр».

– По-моему, эта история должна бы тебя радовать. Как доказательство, что вот человек, у которого есть душа.

– Какая душа?

– Благородная.

– У него вообще нет никакой души выше этих ужасных, грубых форменных башмаков, в которых он ходит. Ослиное упрямство, и больше ничего. Я ему сто раз втолковывала. Родной дядя хочет, чтобы он выставил свою кандидатуру в парламент, и готов оплатить все предвыборные затраты и в дальнейшем всегда оказывать ему щедрую финансовую поддержку, но нет, уперся, как мул, и твердит, что надо стоять на собственных ногах. Мне все это осточертело, просто не знаю, что делать. Ну ладно, до свидания, Берти, мне пора, – внезапно заключила она, словно не в силах больше разговаривать на эту больную тему, и покатила прочь, а я только тут вспомнил, что у нее сегодня день рождения и у меня в кармане брошь, которую надо было передать ей в подарок от тети Агаты.

Я бы мог, наверное, еще окликнуть ее, но как-то не хотелось. От того, что она мне наговорила, у меня началась дрожь по всему телу. Осознав, как непрочен фундамент, на котором зиждется любовь Сыра и Флоренс, я пришел в такой ужас, что вынужден был выкурить, не сходя с места, пару успокоительных сигарет, прежде чем пуститься в дальнейший путь.

Немного приободрившись и уговаривая себя, что это не более чем минутная размолвка влюбленных и в кратчайшее время все уладится, я дал газу и через несколько минут уже встал на якорь на задах «Укромного уголка».

Глава 9

«Укромный уголок» оказался совсем неплохим домишком, расположенным в живописном месте. Немного в старомодном вкусе, а так не к чему придраться. Тростниковая кровля, окна в частый ромбик, на лужайке под окном – альпийская горка. Словом, все говорило о том (и не обманывало, как я узнал впоследствии), что прежде здесь обитала пожилая женщина из хорошей семьи, имевшая несколько кошек.

Я вошел, поставил маленький чемоданчик в прихожей и стоял, озираясь и принюхиваясь к запахам плесени, обязательно поселяющейся в старинных жилищах, и постепенно осознал, что здесь, в этом жилище, кроме запахов, имеется кое-что еще. То есть, говоря попросту, мне начало казаться, что мой домик заселен не только плесенью, но и привидениями.

Натолкнули меня на такую мысль странные звуки, раздававшиеся где-то поблизости, то что-то брякнет, то грохнет, и напрашивалось предположение, что здесь не без полтергейста или еще какой-нибудь чертовщины.

Звуки, похоже, доносились из-за закрытой двери в конце коридорчика, и я поспешил им навстречу, желая выяснить, в чем дело, ибо я не намерен был, черт подери, допускать, чтобы здесь разгуливали всякие полтергейсты, как будто у себя дома. Сделал два шага – и растянулся, споткнувшись о ведро, которое кто-то оставил на дороге. Только я поднялся, потирая пострадавшее место, как вдруг дверь распахнулась и вышел небольшой мальчик с мордочкой хорька. На нем была форма бойскаута, и я без труда, несмотря на жирный слой грязи, покрывающий его остренькие черты, признал в нем младшего брата Флоренс – Эдвина, в которого Боко имел обыкновение швыряться фарфоровыми безделушками.

– А, Берти, привет, – произнес он с улыбкой поперек всей своей мерзкой физиономии.

– Привет, юный нахал, – вежливо ответил я. – Что ты тут делаешь?

– Прибираюсь в доме.

Я сразу перешел к самому важному делу:

– Это ты оставил на полу ведро?

– Где?

– Посередине прихожей.

– Точно! Я теперь вспомнил. Я поставил его там, чтобы не загораживать проход.

– Ясно. Ну так вот, тебе, наверное, будет интересно узнать, что я чуть не сломал об него ногу.

Он весь встрепенулся, в глазах загорелся фанатичный огонь, как будто перед мальчишкой вдруг возникло блюдце с мороженым.

– Слушай! Правда чуть не сломал? Вот это удача! Я окажу тебе первую медицинскую помощь.

– Как бы не так. Ничего ты мне не окажешь.

– Но если ты сломал ногу…

– Я не сломал ногу.

– Сам сказал, что сломал.

– Просто выражение такое.

– Ладно. Зато у тебя, может быть, растяжение связок.

– У меня нет растяжения связок.

– Я умею оказывать первую помощь при ссадинах.

– И ссадин у меня нет. Не подходи! – заорал я, готовый защищаться до последнего.

Мы оба помолчали. У юного Эдвина был растерянный вид. Мой решительный отпор его явно озадачил.

– Можно, я наложу тебе повязку?

– Только попробуй, получишь по уху.

– Но может начаться гангрена.

– У меня нет оснований этого опасаться.

– Дурацкий же вид у тебя будет с гангреной.

– Нет, не будет у меня дурацкого вида. У меня будет прекрасный вид.

– Я знаю одного типа, который сломал ногу, она у него почернела, и пришлось ее отрезать до колена.

– У тебя, мне кажется, довольно странные знакомства.

– Давай я пущу на нее холодную воду из крана.

– Нет.

Он опять посмотрел на меня с недоумением. Я совсем сбил его с толку.

– Ну, тогда я пойду обратно на кухню, – сказал он. – Займусь дымоходом. Надо его хорошенько вычистить. Этот дом, если бы не я, был бы в ужасном состоянии, – заключил он с вопиющим самодовольством, от которого меня покоробило.

– То есть как это, если бы не ты? – парировал я его выпад со свойственным мне остроумием. – Ты тут, конечно, сеял разруху и опустошение.

– Ничего подобного, – возразил он, явно задетый за живое. – Я приводил дом в порядок. Флоренс поставила тебе цветы в гостиной.

– Знаю, она мне сказала.

– Я налил в них воду. Ну, так я пойду дочищу дымоход, ладно?

– Двигай и чисть сколько влезет, – холодно ответил я и жестом отослал его прочь.

Не знаю, как кто, у каждого свой метод, но я, например, отсылая Эдвина прочь, вскинул в салюте правую руку, а затем уронил ее на место, так сказать, по швам. И при этом почувствовал, что чего-то не хватает. В боковом кармане, с которым соприкоснулось запястье, должен был находиться небольшой выпуклый предмет, а именно – пакетик с брошью, которую тетя Агата приказала мне вручить Флоренс на день рождения. Но никакой выпуклости не ощущалось. Карман был пуст.

В то же мгновение мальчишка Эдвин произнес: «Э!» – нагнулся и поднял пакетик с пола.

– Это ты уронил? – спросил он.

Ему сразу же пришлось оставить всякие подозрения насчет того, что у меня может быть сломана нога, поскольку я прыгнул к нему с живостью пантеры, легко перелетев через всю прихожую. Выхватил из его лапы пакетик и снова сунул в карман.

Бойскаут немедленно заинтересовался:

– Что это у тебя?

– Брошь. Подарок для Флоренс на день рождения.

– Хочешь, я передам?

– Нет, спасибо.

– А то я пожалуйста.

– Да нет, не надо.

– Избавлю тебя от хлопот.

При других обстоятельствах я бы, наверное, разозлился на такую беспардонную настырность и, вполне возможно, дал бы ему за это носком ботинка в зад. Но он сейчас только оказал мне ценную услугу, и я ограничился тем, что дружески улыбнулся юному мерзавцу, чего не делал уже тысячу лет.

– Нет, спасибо, – отвечаю. – Не хочу выпускать эту штуковину из рук. Вечером забегу и вручу лично. Ну-с, юноша, ты молодец, – говорю я ему. – Вас, молодежь, недаром учат смотреть в оба. Скажи-ка мне, как ты вообще поживаешь? Нормально? Никаких насморков, колик и прочих детских болезней? Превосходно. Мне было бы огорчительно услышать, что ты перенес

какие-то страдания. Спасибо, что ты предложил подставить мою ногу под кран. Ценю. Жаль, что мне сейчас нечем тебя угостить. Заходи как-нибудь попозже, когда я тут устроюсь.

И на этой сердечной ноте наша беседа завершилась. Я побрел в сад и постоял там, облокотясь на калитку, так как все еще ощущал некоторую дрожь в коленках и нуждался в опоре.

А почему у меня дрожали коленки, вы бы сразу поняли, если бы лучше знали мою тетю Агату.

Эта моя родственница принадлежит к числу людей, которые, подобно Наполеону, если я его ни с кем не путаю, считают любую неудачу непростительной и не желают слушать никаких, даже самых убедительных оправданий. Если тетя Агата поручила вам передать ее падчерице пакетик с брошью, а вы его потеряли, бесполезно убеждать почтенную родственницу, что такова была божья воля, чтобы вы споткнулись о непредусмотренное ведро и пакетик вытряхнулся из вашего кармана. Пусть вы всего лишь беспомощная игрушка в руках рока, все равно кары не избежать.

Если бы чертова брошка не нашлась, разговорам бы конца не было. От этого случая повелось бы новое летоисчисление. О мировых катаклизмах говорилось бы, что они произошли «как раз тогда, когда Берти потерял брошь» или «вскоре после того, как Берти так осканда-лился с подарком для Флоренс». Моя тетя Агата вроде слона – не внешне, с виду-то она скорее напоминает тонко воспитанного стервятника, – а потому, что никогда ничего не забывает.

Я стоял, опираясь на калитку, и в душе у меня кипели добрые чувства к Эдвину. Как же я мог все это время видеть в нем лишь маленького востроносого безобразника и ничего больше? И уже собрался было перейти к обдумыванию вопроса о том, не купить ли ему подарок за примерное поведение, как вдруг раздался взрыв, я обернулся и увидел, что «Укромный уголок» весь охвачен пламенем.

Я страшно удивился.

Глава 10

Конечно, полюбоваться хорошим пожаром всякому приятно, и поначалу я просто стоял и отчужденно рассматривал эту красочную картину всесожжения. Пожар был многообещающий. Уже полыхала тростниковая кровля, казалось, еще немного, и вся эта старинная музейная постройка, прогнившая и высушенная, как трут, засучит рукава и возьмется за дело всерьез. Так что минуты две я просто стоял и мирно любовался.

Но немного погодя восторг мой умерила некая тревожная мысль: а ведь юный Эдвин, когда я его последний раз наблюдал, направлялся, между прочим, в кухню. А следовательно, он вполне может и сейчас там находиться, и если по соответствующим каналам не будут приняты срочные меры, он вскоре окажется непригоден для дальнейшего общения. Следом пришла еще более беспокойная мысль: единственное присутствующее лицо, от которого можно ожидать героических действий по детскому спасению, – это старина Вустер.

Я погрузился в размышления. Надеюсь, вы не будете спорить, что вообще-то я человек довольно бесстрашный, но тут, признаюсь, что-то меня останавливало. Помимо всего прочего, мое отношение к данному отроку, которому сейчас грозила опасность быть изжаренным с обеих сторон, опять круто переменилось.

Если помните, незадолго перед тем я думал о юном Эдвине благожелательно и даже был близок к мысли купить ему какой-нибудь недорогой подарок. Но сейчас я снова видел его в осудительном свете. Ведь последнему тупице ясно, что это его сомнительная деятельность привела к воспламенению, и поэтому меня тянуло оставить все как есть и не вмешиваться.

Однако положение было такое, про которое говорят, что оно обязывает, и поэтому я решил совершить благородный поступок, скинул пиджак, отшвырнул подальше и уже приготовился нырнуть в горящее здание, хотя и досадно было, что приходится мазаться сажей в угоду паршивому мальчишке, который в изжаренном виде стал бы только лучше, как вдруг он появляется. Закопченный и без бровей, но в остальном – хоть бы хны. Скорее даже довольный, чем испуганный.

– Ух ты! – произнес он с гордостью. – Здорово рвануло, а?

Я строго взглянул на него.

– Что ты, черт подери, там натворил, немыслимое юное чудовище? – спросил я. – Что это был за взрыв?

– Дымоход в кухне бабахнул. В нем было полно сажи, и я положил туда пороху. Должно быть, чересчур много сунул. Потому что раздался жуткий грохот, и все вроде как запылало. Ух ты! То-то смеху было!

– Ты что же, не мог водой залить?

– Я залил. Но это оказалась не вода, а керосин.

Я схватился за голову. Меня обуяло страшное волнение. Только теперь я вдруг сообразил, что дом, обреченный у меня на глазах рассыпаться пеплом на погребальном костре, – это летняя стоянка Вустера, и во мне проснулся дух квартиросъемщика. Меня отчаянно подмывало всыпать дубиной полдюжины горячих этому мерзкому юнцу. Но как отлупишь ребенка с опаленными бровями? Да и дубины у меня при себе не было.

– Ну и натворил ты тут бед, – сказал я ему.

– Вышло не совсем так, как я рассчитывал, – согласился он. – Но мне необходимо было сделать доброе дело за прошлую пятницу.

При последних его словах мне сразу все стало ясно. Я так давно не виделся с этим юным исчадием ада, что совсем упустил из виду одну особенность его психологии, которая делает его подлинной грозой здешних мест.

Мальчик Эдвин, припомнил я, принадлежит к числу детей, которые, когда за что-то берутся, не жалеют сил. Он относится к жизни с такой же серьезностью, как его сестра Флоренс. Вступая в бойскауты, он не допускал и мысли о том, чтобы увиливать от своих обязанностей. А так как у них там требуется каждый день совершать одно доброе дело, Эдвин ответственно и неуклонно принялся творить добрые дела. Однако за мирскими хлопотами он, к несчастью, постоянно отстает от графика, а потом на таком аллюре пускается вдогонку за самим собой, что место его пребывания очень скоро превращается в сущий ад для человека и зверя. Так было в Шропшире, когда я впервые с ним встретился в доме у родственников, и так, судя по всему, обстояло дело и сейчас.

С озабоченным лицом, задумчиво прикусив губу, я подобрал с земли пиджак и надел. Человек послабее духом, чем я, обнаружив, что очутился в местности, где имеются не только Флоренс Крэй, полицейский Чеддер по прозвищу Сыр и дядя Перси, но еще и Эдвин, творящий добрые дела, ощутил бы, наверное, дрожь в коленках. Вполне возможно, что то же самое произошло бы и со мной, если бы не ужасное открытие, которое потрясло мою душу, вырвало у меня из груди сдавленный вопль и совершенно заслонило и Флоренс, и Сыра, и Эдвина, и дядю Перси.

Я вдруг сообразил, что маленький чемоданчик с костюмом Синдбада-морехода находится в прихожей «Укромного уголка» и что языки пламени приближаются туда с каждой секундой.

Тут уж мне было не до сомнений и колебаний. Когда вопрос стоял о том, чтобы, рискуя жизнью, спасать бойскаутов, я еще сомневался и скреб подбородок. Но здесь совсем другое дело. Синдбад был мне нужен. Если я не спасу его, у меня не будет возможности завтра вечером принять участие в костюмированном бале, который представлял собой единственное светлое пятно на фоне непроглядно мрачного ближайшего будущего. Конечно, можно было бы попробовать рвануть обратно в Лондон и раздобыть другой костюм, но небось всего лишь какого-нибудь Пьеро, а я всем сердцем прикипел к Синдбаду и рыжей бороде.

Эдвин плел что-то такое про пожарную команду. Я рассеянно поддакивал. Но потом набрался храбрости, поручил душу Господу и, точно заяц, устремился в дом.

Оказалось, впрочем, что я напрасно так беспокоился. Правда, по прихожей расплывались черные клубы дыма, но что это для человека, который сиживал под боком у Китекэта Перебрайта, когда тот курил сигару своей любимой марки? Конечно, еще несколько мгновений, и весь домик весело вспыхнет, можно не сомневаться, но пока что условия приближались к нормальным.

Однако мой рассказ не о том, как Бертрам Вустер едва не зажарился в пламени, а просто о том, как он подхватил чемоданчик и, насвистывая бодрый мотив, вышел наружу совершенно целый и невредимый. Разве что на минуту в горле слегка запершило, а так – ничего.

Однако опасность, которой так легко удалось избежать внутри, грозно поджидала меня снаружи. Первое, что предстало моим глазам на свежем воздухе, был дядя Перси у ворот. А так как Эдвин куда-то делся, должно быть, побежал за пожарными, я оказался с дядей один на один среди бескрайних просторов – ситуация, которую я с отрочества считал для себя совершенно неприемлемой.

– А, дядя Перси! – приветствовал я его. – Добрый день, добрый день.

Случайный прохожий, услышав эти слова и уловив приветливый тон, которым они были произнесены, ошибочно решил бы, что Бертрам чувствует себя вполне непринужденно. В действительности же дело обстояло совсем наоборот. Может ли кто-нибудь чувствовать себя непринужденно в присутствии этого чудовища, не знаю, но я определенно не могу. Ноги мои, не буду скрывать, утратили всякую прочность.

Вас это, возможно, удивит, ведь за опустошение, произведенное в «Укромном уголке», я ответственности не нес, и, казалось бы, чего мне бояться? Но многолетний опыт научил меня,

что в подобных случаях невиновность ничего не дает. Будь ты чист, как свежевыпавший снег, или даже чище, шишки все равно валятся на того, кто оказался на месте происшествия.

Ответа на мое вежливое приветствие не последовало. Дядя смотрел мимо меня на свой домик, несомненно обреченный на безвозвратную погибель. Теперь, даже если Эдвин пригонит сюда целую пожарную команду, ничто уже не помешает «Укромному уголку» кончить земную жизнь в виде груды пепла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.